

The background of the cover is a photograph of a person's back, seen from behind. Their hands are clasped behind their head, and their hair is dark and slightly messy. The lighting is soft, highlighting the texture of the skin and hair. The overall mood is contemplative or perhaps one of distress, given the title.

Том vs. Джерри #2

Умри, Джерри!

Валя Шопорова

18+

Валя Шопорова

Умри, Джерри!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44225787

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5320-9210-5

Аннотация

Проснуться в странной больнице с законами тюрьмы, не помня, как ты сюда попал. Страшно? А с Томом это случилось. И ему придётся понять, что куда-то исчезли четыре года жизни. И вновь окунуться в кошмар прошлого. И «познакомиться» с Джерри, и расплачиваться за то, что он сделал. Серия "Том vs. Джерри". Книга #2.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	45
Глава 5	54
Глава 6	60
Глава 7	69
Глава 8	78
Глава 9	88
Глава 10	95
Глава 11	105
Глава 12	109
Глава 13	116
Глава 14	123
Глава 15	131
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Глава 1

Мы не ангелы, парень,

Нет, мы не ангелы.

Там, на пожаре,

Утратили ранги мы.

Нету к таким ни любви, ни доверия.

Люди глядят на наличие перьев...

Мы не ангелы, парень...

Агата Кристи, Би-2, А мы не ангелы, парень©

Джерри лежал на спине, изучая взглядом потолок, где ближе к одному из углов была малозаметная трещина, напоминающая по форме раздвоенный змеиный язык. Больше деть взгляд было некуда. Кровать без спинки, изножья и ножек, никаких тумбочек и шкафов, стальная дверь, зарешёченное окно с непробиваемым стеклом, открывающееся строго по расписанию. Идеально белое постельное бельё, высокие потолки такого же снежного цвета. Комната была неприлично огромной в своей пустоте и светлой настолько,

что поначалу это раздражало глаза. Тот неприметный «язычок» был самой интересной деталью в ней.

Камеры по периметру помещения, день и ночь фиксирующие всё, что происходило в его стенах, не найти было угла, в котором возможно было бы укрыться от их всевидящего безучастного ока.

Бесшумно работали вентиляция и кондиционер, даря прохладу в жаркий летний день. За это нужно было сказать спасибо, иначе бы в замкнутом пространстве с наглухо закрытым окном можно было задохнуться.

Полтора года Джерри провёл в этой клетке, из которой было никуда не деться. А до этого были другие. Свой шестнадцатый день рождения он встретил в следственном изоляторе.

За то время, пока длилось следствие, Джерри так и не признал, что действительно совершил те преступления, в которых его обвиняли. Но этого и не требовалось, против него свидетельствовали слишком весомые улики. Даже суд был скорее формальностью. Судебный процесс прошёл за закрытыми дверями с малым количеством присутствующих. Зачитали обвинения, выслушали самого подсудимого и прочих и вынесли приговор. Судья звучно ударил молотком по трибуне, знаменуя конец разбирательства и начало чего-то неизвестного, очень сложного.

Ян был бы рад, если бы Джерри понёс наказание за свои деяния по всей строгости закона, но уважение к почившему

другу не позволили ему остаться в стороне. Он объяснил всё полиции и настоял на том, чтобы Джерри прошёл тщательнейшую психиатрическую экспертизу, сам изначально взялся его обследовать, но его быстро отстранили от участия в деле, потому что у него были личные мотивы, которые могли помешать объективности исследования.

Полиция подняла дело «о мальчике из ниоткуда», изучила его вдоль и поперёк, заново перепроверила каждый факт, но ничего нового не удалось выяснить. Для медицинской экспертизы это послужило основанием для постановки неподтверждённого диагноза: «Диссоциативное расстройство идентичности» или – раздвоение личности. Вместо колонии Джерри отправился в местное учреждение принудительного лечения, а после его перевели в столицу.

Так он оказался здесь, в огромном овальном здании белого цвета, рассчитанном всего на четыреста постояльцев. Здесь лечились только «лучшие» – самые уникальные случаи со всей страны, те, с кем по разным причинам не справлялись больше нигде. Убийцы, насильники, истязатели с самыми сложными, извращёнными и необъяснимыми формами душевных болезней. И среди них затесался ещё совсем юный парень с кукольной внешностью, потому что и его случай был слишком непонятен. Очевидно, он был болен, психически здоровый человек, тем более ребёнок, не пошёл бы на такое. Но и доказать наличие заболевания никак не удалось.

Это место было почти секретным. Про него знали те, кто работал в нём, а обычным обывателям эта информация была ни к чему. Те же, кто проходил здесь лечение, предпочитали не распространяться об этом.

По факту больница, но больше – тюрьма самого строгого режима. Исключительно одиночные палаты: стандартные и для буйных, что объясняло несоответствие размеров учреждения с тем, скольких пациентов оно могло принять. Решётки на всех окнах, пятиметровый забор. Вооруженная охрана, имеющая приказ открывать огонь после первого предупреждения, потому что они имели дело не с простыми людьми, а с психически больными преступниками. Если такой человек не остановится после первого оклика, значит, он не сделает этого и на второй раз, потому что не отдаёт себе отчёта в происходящем. Сухая и жестокая логика, рассчитанная на то, чтобы любой ценой не позволить никому бежать, пока его не сочтут достаточно здоровым для возвращения в обычную жизнь.

Продуманное до мелочей внутреннее расписание – чтобы в каждой из четырёх столовых за раз находилось не более сорока человек. То же самое обстояло и с прогулками – они были распланированы по времени и дням. Душа и туалета в палатах, конечно же, не было, потому что они несли прямую угрозу в том случае, если пациент захочет что-нибудь сделать с собой. На окнах не было карнизов, не было никаких выступов на стенах, за которые можно было бы зацепить са-

модельную верёвку. Всё учтено и идеально просчитано, чтобы у человека не было выхода.

Оказавшись в стенах невольной лечебницы, Джерри выкидывал самые разнообразные этюды, кидался из стороны в сторону, тщательно продумывал каждую версию своей правды и неукоснительно следовал ей до тех пор, пока её не приходилось сменять на новую. Он пытался притвориться шизофреником, причём весьма талантливо, утверждал, что на убийства его толкали голоса. У них даже были имена, он в красках и весьма убедительно описывал и самих советников, и историю их появления. Приписал себе манию нападения и вновь играл талантливейшим образом. Но публика была слишком суровой и квалифицированной, чтобы поверить на слово, не проверив. Тогда Джерри изменил тактику, понурил голову и признался, что да, он на самом деле совершил эти убийства, но просто защищался от нападающих. Плакал, надрывно рассказывал, как ему было страшно и так далее. Даже про Паскаля наплёл таких жутких небылиц, что его впору было прижать к груди и пожалеть, а не судить. Джерри любым способом стремился избежать направленного лечения, но и в этот раз ему так просто не поверили. Все его достойные Голливуда постановки разбивались об холодный профессионализм эскулапов. Казалось, у них вовсе не было сердца, которое могло ёкнуть и дать Джерри фору, только разум.

Это больше не было любительским театром одного актё-

ра. Это были самые взрослые и серьёзные игры с реальностью. Один против всех – красиво, героически, но, по сути, паршиво.

В результате Джерри пришлось смириться с происходящим и просто плыть по течению. Это была не та война, которую можно выиграть путём открытого боя. Оставалось только ждать. Ждать... А судьба, оказывается, та ещё стерва, она тоже любит играть.

Суд вынес свой вердикт. А у здешних докторов была всего одна цель для всех пациентов – вылечить. И они лечили, как могли, без скальпеля проникали в черепную коробку и, словно искусные механики, исправляли неполадки в главном двигателе организма.

Вот только специфического медикаментозного лечения диссоциативного расстройства личности не существовало, а применять общие препараты было опасно, они могли усугубить течение заболевания. Оставалась только психотерапия, а также гипноз, который небезосновательно считался самым действенным методом лечения диссоциативных расстройств. Проблема была в том, что Джерри не поддавался гипнозу. Невозможно ввести в нужное состояние человека, который заранее настроен сопротивляться этому. Потому терпением пришлось запастись не только ему, но и докторам.

В палату зашла врач, устроилась на стуле напротив кровати. Джерри даже не удосужился сесть, только повернул к ней

голову, скинув скучающим, с долей вопроса взглядом из-под полуопущенных ресниц.

Женщина достала диктофон; пронести в палаты было запрещено даже ручки, потому что они с фатальной лёгкостью могли превратиться в колющее оружие. Ей предстоял очередной дежурный опрос, направленный на отслеживание состояния пациента и выявление возможных личностных изменений.

– Имя? – произнесла она.

– Джерри Муссон.

Доктор вздохнула. Надежда на то, что что-то изменилось с прошлого раза, рухнула. Джерри по-прежнему был Джерри.

– Дата рождения?

– Двадцать восьмого сентября.

– Год?

– Девяносто восьмой. Одна тысяча девятьсот, разумеется.

– Как звучит твоя фамилия?

– Муссон, – повторил Джерри. Что уж сейчас выдумывать.

– Какой у тебя любимый цвет?

«Что-то новенькое, – подумал Джерри. – Давно уже этого вопроса не было».

– Любой, кроме белого, – ответил он и обвёл взглядом комнату. – Он мне очень сильно надоел.

– Совсем любой? Может быть, скажешь конкретнее?

– Пусть будет чёрный. Он всегда смотрится красиво.

– А как тебе красный цвет?

– Как кровь?

Джерри выдержал короткую паузу и рассмеялся, добавил:

– Шучу. Мне скучно сидеть здесь всё время в одиночестве, нужно хоть как-то развлекаться.

– Ты хочешь поскорее выйти отсюда?

– А вы бы на моём месте не хотели?

– Если тебе на самом деле интересно, я отвечу после, но сейчас мы говорим о тебе.

– Почему вы никогда не называете меня по имени? – неожиданно спросил парень.

Доктор промолчала. Обращение по имени персонализирует общение и наполняет личность большей силой, подчёркивает её настоящесть, что в случае Джерри было ни к чему. Но знать об этом ему было не нужно.

– Я обращаюсь без имён ко всем пациентам. Таков устав, – не моргнув глазом, соврала врач.

– А почему так?

– Это вопрос не ко мне, а к руководству.

– Жаль. Но, наверное, это очень удобно, не нужно запоминать имена, мучиться с правильным произношением...

– С этой точки зрения это действительно удобно.

– Вот только грустно, когда тебя обезличивают. Но вам ведь всё равно, да? Снимете халат и забудете и обо мне, и обо всех остальных своих пациентах до завтра.

– Ты пытаешься разжалобить меня?

– А это возможно? – вопросом на вопрос ответил Джерри

и тут же продолжил: – Нет. Я просто хочу поговорить.

– Мы делаем это прямо сейчас, но ты уходишь от темы.

– Изо дня в день я повторяю одно и то же. Но если вы хотите послушать это ещё раз, давайте продолжим.

С Джерри было морально тяжело вести беседу. Потому что он выглядел совершенно нормальным, к нему было сложно подступиться, сложно расценивать его как пациента. И потому что он напоминал доктору Айзик сына, с которым они являлись ровесниками. Она даже подумывала отказаться от ведения Джерри и передать его другому врачу раньше положенного срока.

– Ты сказал, что хочешь выйти отсюда, – проговорила доктор, – а если так, ты должен сотрудничать с нами, в том числе отвечать на мои вопросы.

– А разве я вставляю вам палки в колёса?

Джерри вдруг сел на самый край кровати, упёршись в него руками и склонившись вперёд, к доктору. Женщина внутренне напряглась, инстинктивно хотела обернуться на дверь, за которой ожидала охрана – гарант того, что ей придут на помощь, если ситуация выйдет из-под контроля. Она, как и любой сотрудник данного места, отдавала себе отчёт в том, что рискует всякий раз, оказываясь один на один с пациентом. Потому что предусмотреть всё на самом деле невозможно, жизнь не знает идеальных раскладов, и некоторые пациенты умели убивать голыми руками.

Но мадам Айзик сдержалась, не оглянулась. Джерри

несколько секунд разглядывал её, затем спросил:

– Вы боитесь меня?

Он смотрел пытливо, внимательно. И самое главное – было не понять, что происходило в этот момент в его голове. Это нагнетало обстановку, заставляло чувствовать себя сапёром на минном поле. Сколько бы пациентов ни прошло через твои руки, от этого ощущения не избавиться, оно часть инстинкта самосохранения. А в случае Джерри срабатывал ещё и эффект необычности, потому что по факту он являлся ребёнком, он был первым таким в практике доктора Айзик.

– Нет, – ответила женщина, также не сводя с Джерри взгляда, пытаясь предугадать, что же он сделает в следующую секунду.

– Это хорошо, – он вздохнул и отклонился назад, сев ровно. – Неприятно, когда на тебя смотрят, как на зверя. И насчёт ваших слов, мадам Айзик, что я должен помогать вам. Я делаю всё возможное со своей стороны, я говорю вам всю правду и не моя вина, что вы мне не верите, исправить это не в моих силах.

– Какая же именно правда из тех, которые ты озвучивал, истинна?

Очень правильный вопрос со стороны врача и неприятный для Джерри. Он выдержал паузу, прежде чем ответить, оглядел женщину.

– А вы сами как думаете? – проговорил он. – По-вашему, я похож на психа?

– Это некорректная формулировка.

– Извините. Паскаль учил меня этому, но иногда некоторые уроки забываются. И сути это не меняет.

Джерри снова немного наклонился, подпёр подбородок кулаком. Доктор ответила:

– Психически нездорового человека далеко не всегда можно определить по одному лишь внешнему виду. Можно только сделать предположение.

Джерри тяжело вздохнул и вновь лёг. Видно, что ответ женщины разочаровал его, и он утратил интерес к разговору.

– Вы не верите мне, и этим всё сказано, – произнёс он. – Мне и смысла нет что-то говорить.

– Если ты не будешь разговаривать со мной и с другими докторами, мы точно ничего не добьёмся.

– Вы за полтора года ничего не добились, а до вас меня на протяжении трёх месяцев пытались вылечить в другом месте. Вам это ни о чём не говорит?

«Говорит», – подумала доктор Айзик.

В кругах врачей, которые занимались лечением Джерри, всё больше крепла мысль о том, что, возможно, он и не болен вовсе. Слишком уж много времени они потратили на лечение, а не добились не то, что ремиссии, даже не смогли подтвердить его диагноз.

– Ты хочешь сказать, что ты здоров? – в ответ спросила женщина.

– Да.

– И убивал ты, стало быть, сознательно?

В этом месте действительно всё было на совершенно другом уровне. Это не неудобные расспросы Юнга, во время которых у тебя было и время для обдумывания ответа, и знание, что он всё равно поверит и даже отступит, главное надавить на нужную эмоцию. В стенах «белого центра» всё обстояло иначе, здесь даже заурядная дежурная беседа могла раздавить. И никто не думал о твоих чувствах, что исключало возможность сыграть на них.

– Я уже отвечал на этот вопрос, – сказал Джерри.

– Ты очень часто меняешь свои показания. Мне интересно, что ты скажешь в этот раз.

– Да, я делал это осознанно. И я прекрасно понимаю, что, хоть я сделал это не просто так, я всё равно заслуживаю наказания, но не лечения.

– Ты бы предпочёл отправиться в колонию?

– Я бы предпочёл вообще не оказываться за решёткой, ни за какой, но раз меня считают преступником, и третьей альтернативы нет, я бы выбрал колонию.

– Мне показалось, или ты не признаёшь свою вину за те преступления?

– Признаю.

– Может быть, ты не хочешь признавать её?

Джерри вопросительно повёл бровью, ответил:

– Хочу я этого или нет, но ответственность за свои поступки несущ только я сам, стало быть, и именно я должен за

них отвечать.

– Ты очень здраво рассуждаешь. Но мне по-прежнему непонятны твои мотивы.

– А они и не должны быть вам понятны, я их не раскрою. Просто поймите, что я здоров, здесь я занимаю чужое место. Не тратьте на меня время и силы.

Продолжать разговор не имело смысла, он зашёл в тупик, но от дежурного опроса и не ожидалось многого, разве что чуда, в которое здесь мало кто верил. Доктор Айзик покинула палату и уже за дверью, чтобы Джерри не слышал, наговорила на диктофон итог опроса:

– Неподтвержденная альтер-личность по-прежнему продолжает главенствовать в сознании. Новых сведений не получено, показания больного не расходятся с данными прежде. Пациент ведёт себя адекватно, настаивает на своей вменяемости и выказал желание отправиться в тюрьму.

Глава 2

Джерри полулёжа разместился на кушетке в кабинете гипнолога и поздоровался:

– Добрый день, месье Деньё.

Мужчина поднял глаза от книги, бросил взгляд на часы, затем посмотрел на Джерри.

– Сейчас не время твоего сеанса, – ответил он. – Меня не предупреждали о том, что ты придёшь.

– Меня никто не спрашивал, – Джерри скрестил руки на груди. – Но я могу уйти, если вы заняты, – он сел, показывая, что на самом деле может удалиться.

Месье Деньё жестом остановил его.

– Остайся и подожди минуту. Я сейчас позвоню и всё уточню.

Он взял служебный телефон и, набрав номер и дождавшись, когда ему ответят, отчеканил:

– Доктор Деньё. Пациент Джерри Муссон направлен ко мне во внеплановом порядке. Произошли изменения в расписании?

Кивая, он выслушал ответ и, отклонив вызов, обратился к Джерри:

– Всё правильно, твой сеанс перенесли. Устраивайся удобно и начнём.

– А можно мне остаться в сидячем положении?

– Можно. Но лучше всё-таки ляг.

Джерри кивнул, снова лёг, теперь уже полностью. Подлокотник-подушка был не слишком мягким, очень упругим. Создавалось такое ощущение, что лежишь вовсе не на предмете, а на чьём-то теле, если не считать отсутствие живого тепла.

– Ты готов? – поинтересовался доктор.

Джерри повернул голову к нему, чуть кивнул. Месье Деньё включил необходимую музыку и заговорил уже совершенно другим, глубоким, сугубо рабочим голосом:

– Закрой глаза и расслабься, слушай музыку и мой голос...

Мужчина говорил ещё какие-то заученные наизусть, призванные погрузить человека в транс вещи, затем взглянул на Джерри и внутри неприятно дрогнуло. Он так и лежал с открытыми глазами и смотрел на него. И хоть губы его были прямы, в глазах читалась насмешка. Опять. Из раза в раз одно и то же, только такого взгляда у него доктор ранее не видел. Хочет поиграть мальчик.

Когда доктор замолчал, угрюмо смотря на него, Джерри заговорил сам:

– Я же говорил, нужно было оставаться сидеть. Мне тоже надоедает прыгать из одного положения в другое.

– Почему ты мне сопротивляешься? – спокойно и серьёзно спросил месье Деньё, положив на стол сцепленные в замок руки, хотя внутри разыграли нервы.

Он был дипломированным специалистом с многолетним стажем работы и занимал это кресло лишь за свои заслуги, а какой-то мальчишка, которому ещё и восемнадцати-то лет не исполнилось, обыгрывал его и водил за нос.

– Я просто не поддаюсь гипнозу, – как ни в чём не бывало ответил Джерри и сел, упёрся ладонями в край кушетки.

– Ты не позволяешь себе податься, это видно. Вопрос – почему?

– Месье Деньё, а что вы хотите найти в моём подсознании? Я вам и так всё расскажу.

– Вернись в прежнее положение, – отрезал доктор, голос всё же выдал толику раздражения.

– Хорошо, можем продолжить, раз вы настаиваете, – парень лёг, устремил взгляд в потолок, который здесь был куда более интересным, чем в его палате, витым. – Но зачем? Сами же видите, что это бесполезно.

Хотелось сорваться. Схватить Джерри за шкуру и показать, кто тут главный и как он уже достал. Но за такую выходку сразу увольнение без возможности вернуться в профессию. И стоило помнить, что перед ним был не совсем обычный человек. Нужно было сохранить лицо хотя бы потому, что спокойствие в ответ на провокацию является лучшим проявлением превосходства.

– Ты должен слушаться меня и исполнять то, о чём я говорю, – проговорил доктор, – в таком случае наше взаимодействие не будет бесполезным.

– Как скажете, месье Деньё.

Сеанс гипноза так и не случился, Джерри не удалось ввести в необходимое состояние, даже подвести к нему. Потраченные впустую полтора часа жизни.

Доктор Деньё не мог понять, почему так происходит, и уже даже не пытался найти ответ. Просто с каждым новым разом хотел видеть Джерри всё меньше и меньше. За годы работы он перевидал много, но ни разу не сталкивался с тем, чтобы человек столь активно сопротивлялся погружению в транс. Джерри в этом плане был уникалом, и это раздражало до зубного скрежета.

Когда Джерри увела охрана, в кабинет зашла доктор Айзик, спросила:

– Как прошёл сеанс?

– Никак.

– Опять ничего не вышло?

– Представь себе, – месье Деньё отодвинулся на стуле назад, поставил локти на стол. – Я настаиваю на том, чтобы прибегнуть к медикаментозному трансу.

– По каким основаниям?

– Потому что простому гипнозу он не поддаётся. Мы просто впустую тратим время.

– Это очень сильные препараты, я не могу дать согласие на их применение без серьёзных показаний.

– А того, что я сказал, недостаточно? – мужчина вскинул брови, вопросительно посмотрел на коллегу. – Я знаю свою

работу, но и он знает своё дело, какие бы цели он ни преследовал. А я не шарлатан-потешник, который вводит в транс по щелчку пальцев. Сама знаешь, что на самом деле это делается совершенно иначе. А раз я не могу справиться с задачей традиционными методами, нужно применять вспомогательные.

– Но ведь ты уже применял медикаменты, и всё равно ничего не получилось выяснить?

– Напекаешь на то, что я не профессионал?

– Размышляю о целесообразности применения препарата.

– Его применение более чем целесообразно, потому что действию лекарства он сопротивляться не может и погружается в трансовое состояние, а дальше – дело техники и терпения. Полагаю, альтер-личность очень сильная, потому что предыдущие разы и не получилось ничего добиться.

– Хорошо, я подумаю и дам тебе сегодня ответ, – сдалась мадам Айзик.

– Подумай. А если ты решишь повременить с медикаментами, пусть его передадут другому гипнологу. Я больше не вижу смысла разводить этот цирк.

Доктор Айзик вздохнула и понурила голову. Этого и следовало ожидать – что рано или поздно от Джерри начнут отказываться, она ведь и сама хотела поступить так же. Доктора центра слишком уважали себя, чтобы тратить время на лечение того, кто даже не факт, что был болен. А полтора года пустых попыток добиться ремиссии были хорошим ар-

гументов в пользу того, что их коллеги из Лиона ошиблись.

Вернувшись в свою палату, Джерри подошёл к окну и упёрся руками в обманчиво пластиковую раму. Это была самая настоящая клетка: с толстыми решётками, с возможностью выйти на улицу только по тем дням, когда твоя очередь и всего на час, по субботам на два. Походы по коридорам производились строго в присутствии охраны, она сопровождала всюду: до столовой, до кабинета того или иного специалиста и так далее. А потом под таким же конвоем возвращали обратно в палату и запирали тяжёлую дверь без ручки с внутренней стороны. Дверь, которую невозможно открыть.

А Джерри и не пробовал. Он отдавал себе отчёт в том, что сбежать из этого места всё равно не получится, а даже если ему удастся выбраться на улицу, его попросту застрелят. Такая перспектива не могла прельщать. Умнее было следовать установленным правилам и законам и ждать, когда эскулапы убедятся в его адекватности. Должно быть, это случится уже скоро. А дальше будет проще. В тюрьму на лет десять его никто не отправит, потому что даже сейчас он не достиг совершеннолетия, а на момент совершения убийств ему вовсе было всего пятнадцать лет. Скорее всего, суд посчитает, что своё наказание он уже отбыл.

Нужно только дождаться того момента, когда двери клетки распахнутся.

Джерри провёл пальцем по стыку стекла и рамы. Солнечный свет казался искусственным, излишне белым. Вокруг

было слишком много белого цвета. И тёмно-серые глаза камер.

Он беззвучно вздохнул и опустил голову. В таких условиях впору было на самом деле сойти с ума, а ему пришлось в них взрослеть. И всё равно не сломаться, остаться молодцом.

Отойдя от окна, Джерри лёг на кровать, перекрестил ноги и подложил руки под голову, устремив взгляд в потолок.

«Я справлюсь, – проговорил он в мыслях. – Финишная прямая не за горами, а на ней не сдаются».

В себя нужно верить, даже если весь мир против тебя. Даже если устал в одиночку вести бой против всех и не всегда в силах устоять на ногах.

Глава 3

*Стук по коридорам, лязгнули затворы –
Время для инъекций, и никуда не деться!
Хоть залезь на стену, шприц находит вену,
Занавес на сцену!
Downcast, Дом забвения©*

Отворилась тяжёлая дверь, в палату зашёл охранник. Не дожидаясь указаний, Джерри поднял ладони, повертел ими, показывая, что в них ничего нет. Затем встал и сцепил руки за спиной. Всё согласно правилам.

– Выходи, – сказал охранник и отошёл в сторону, освобождая проход, а когда Джерри переступил порог палаты, тотчас грозной тенью пристроился сзади.

Паршивое чувство, когда тебе сверлят взглядом затылок. Когда все твои передвижения строго регламентированы и контролируется каждый шаг. За исключением, пожалуй, того времени, которое ты проводишь в палате, а оно занимает двадцать-двадцать два часа в сутки. При таком раскладе каждый выход из неё видится праздником, возможностью вдохнуть хоть сколько-нибудь свежего воздуха, увидеть других людей. Но сейчас Джерри предпочёл бы вернуться в свою палату, вот только его никто не спрашивал.

– Направо, – скомандовал охранник.

Джерри воздержался от ответа, что он и так знает, в каком направлении нужно идти, не в первый раз уже проходит по этому маршруту. Гордо выпрямил спину, вскинул голову и, сильнее сцепив руки, продолжил путь.

Встречающиеся в коридорах доктора бросали на него цепкие взгляды, но они ничего не значили. Другой пациент, мужчина за тридцать лет, идущий в обратном направлении, притормозил, медленно, тягуче оглядел его, и между ними тотчас встал охранник, предупреждая любые действия.

Был ли Джерри благодарен за такую защиту и заботу? Вряд ли. Он глубоко сомневался в том, что это этот человек мог бы ему что-то сделать. А следовало бы. В послужном списке данного мужчины были как раз изнасилования молодых мальчиков, трёх из которых он убил так жестоко, что даже у бывалых криминалистов по коже пробежал холодок, когда они увидели изувеченные тела.

Да и не знал Джерри о прямой угрозе для себя. Пациенты практически не общались между собой, у большинства из них были собственные больные миры, и этот мужчина поступил совсем недавно.

Они остановились перед дверью без таблички. Джерри передёрнуло. Этот кабинет он ненавидел больше всего.

– Заходи, – вновь отдал приказ охранник.

Огрызнуться бы: «Как же я открою дверь, если должен держать руки за спиной?», но сейчас было не до этого.

Поскольку иные методы лечения не давали результатов,

к Джерри решили применить электрошоковую терапию как способ «встряхнуть» психику и пробудить истинную личность. Это учреждение осталось одним из немногих в мире, где продолжали применять данный метод, серьёзность и сложность случаев, с которыми его сотрудникам приходилось иметь дело, позволяли прибегать к любым ухищрениям и обходить некоторые запреты.

Всё во благо пациента и тех людей, которые могли бы стать его новыми жертвами. Даже боль.

Охранник сам открыл дверь. Джерри зашёл внутрь, машинально огляделся. Помещение было очень большим, состоящим из нескольких ничем не отгороженных друг от друга комнат, в самой просторной из них стоял стол-кушетка и располагалась необходимая аппаратура. В сопровождении одного из докторов, которых здесь было четверо, Джерри прошёл туда.

Будет больно. Это заранее известно, заучено, принято. Электричество сильно кусается. Два сеанса назад лечение закончилось головной болью и носовым кровотечением, водило, как опьяненного опиумом – доктора посчитали нужным увеличить силу тока, а организм не выдержал. Но зато из-за таких последствий ему дали недельную передышку от этой пытки.

Это был второй для Джерри курс электрошока, одиннадцатый сеанс из двадцати. И по истечении данного курса, если не удастся добиться результатов, коллегиально было при-

нято решение опровергнуть диагноз, поставленный Джерри лионскими специалистами, и после заключительного обследования выписать его.

Мечта так близко. Хоть Джерри и не знал о планах врачей, он чувствовал это. А пока нужно стиснуть зубы и потерпеть.

Он забрался на кушетку, лёг на спину, как раз над головой работала мощная лампа; зрачки вмиг сузились до размеров игольного ушка. Санитар затянул ремни на ногах, бёдрах и груди, не позволяющие ни встать раньше времени, ни свалиться со стола, если вдруг ток вызовет конвульсии. И вернулся к товарищу, стоявшему около стены.

На грудь несильно, но всё-таки давило. Если вдохнуть до предела, ремень впивался в рёбра. Джерри отвернул лицо от ослепляющего света.

На запястья надели прохладные браслеты. Прилепили электроды, часть которых подавала ток, а другая фиксировала активность мозга, пульс и прочие параметры жизнедеятельности организма. Доктор включил первый аппарат, на экране побежала кривая с пиками – тактом биения сердца.

– Голову прямо, – скомандовал он.

Джерри сглотнул, повернул голову прямо. Включили и второй аппарат – генератор электричества. Джерри сжал челюсти, готовясь к боли.

Разряд подали без предупреждения. Ток прошил тело, стёк сверху вниз, описал дугу. Возможности выгнуться не было, но было желание. Второй разряд. Ноги дёрнулись,

Джерри сжал ладони в кулаки, напрягся, силясь не потерять контроль над телом. По ощущениям должен был начаться судорожный припадок, не меньше.

– Повышаем? – спросил доктор за пультом у коллеги.

– На полпункта.

Ток молнией пробежал по позвоночнику, щекотал где-то там, в пучках нервов. Боль обволокла тело, глаза предательски слезились и от неё, и от яркого света, пытающегося, казалось, проникнуть в самые дальние уголки души. После нового удара по виску помимо воли побежала слеза, и Джерри закрыл глаза. Даже под опущенными веками всё было бело, с розовым оттенком.

– Открой глаза.

Джерри исполнил указание. Разряд. Челюсти свело, скрипнули зубы. Они точно измываются! Но нет – всего лишь хотят помочь.

Доктор методично, с перерывами подавал ток. Восьминутная пытка казалась вечностью, которую непросто пережить. Даже сердце заболело. Или что это там, в груди, и медленно расплзается? Кажется, эскулапы что-то не рассчитали.

– У меня болит сердце, – на грани слышимости произнёс Джерри.

Врачи остановились, переключили внимание на фиксатор жизнедеятельности.

– Он врёт, – заключил мужчина в белом халате. – По при-

борам всё в норме.

Джерри стиснул зубы, впился в него тяжёлым, блестящим от влаги взглядом. Ему никто не верил даже сейчас, когда он говорил правду!

– Я не лгу, – произнёс он, всё так же смотря на доктора.

– С нами твои выходки не пройдут, – отрезал врач, как на самом деле резанул ножом.

– Вам нужен несчастный случай? Мне плохо.

Джерри никто не послушал. Но после очередного удара током он не вздрогнул рефлекторно, не вскрикнул, а замер. Мышцы лица расслабились, с него исчезла всякая мимика, устремленный в потолок взгляд остекленел. Зрачки расплзлись, заполонив всю радужку, сделав глаза похожими на мёртвые чёрные дыры.

Доктора небезосновательно напряглись, не сговариваясь, устремили взгляды на монитор фиксатора жизнедеятельности. Согласно ему всё было в порядке: сердце билось, мозг работал. Но на вид всё выглядело иначе.

– Что с ним? – произнёс один доктор.

– Может быть, притворяется? – вторил ему другой, подошёл к столу, заглядывая Джерри в лицо. – У него зрачки расширенные...

– Как такое может быть? Ему же свет бьёт прямо в глаза, а рефлексы нельзя подделать.

– Сам посмотри.

И вдруг парень моргнул, зрачки приобрели нормальный

размер, а затем резко сузились. Он часто заморгал, сощурился от слепящего света, из-за которого ничего было не разглядеть, и повернул голову вбок, натываясь взглядом на врача.

– Кто вы? – спросил он изумлённо, снова повертел головой, разглядывая пространство вокруг себя. – Где я?

Доктора пересмотрелись. За это время пациент успел опустить взгляд и увидеть сковывающие его ремни.

– Почему я привязан? – голос дрогнул, надломился от неприятного непонимания. Он закрутился, пытаясь высвободиться, но куда там. – Что происходит?!

– Ты не понимаешь, где ты? – наконец-то подал голос доктор.

– Нет!

– Тише, не нервничай, – вступил второй врач. – Всё в порядке, тебя никто не обидит. Скажи, какие у тебя имя и фамилия?

– Том Каулиц, – с долей непонимания от того, почему его спросили об этом, ответил юноша.

Врачи вновь обменялись взглядами. То, что они сейчас наблюдали, тянуло на победу.

– Где я? – повторил Том свой вопрос, на который так и не услышал ответа. – Где мой отец? И почему я привязан? Отвяжите, пожалуйста, мне давит!

Доктора кивнули санитарам, один из них подошёл к Тому и расстегнул ремни. Он сел; несколько электродов с лёгким чпоком отсоединились. Том непонимающе взял в руку

проводок с присоской, затем поднял взгляд к медикам. Глаза у него тревожно бегали, вид был испуганный, совершенно растерянный.

– Том, ответь на несколько вопросов, – проговорил доктор и подошёл к парню.

– Зачем? Я ничего не понимаю... Почему я здесь? И где это «здесь»? Где мой папа?

– Чтобы мы могли ответить на твои вопросы, сначала это должен сделать ты. Договорились?

– Нет, – Том мотнул головой, отодвинулся от мужчины. – Я не знаю, кто вы.

– Мы доктора. Ты же можешь доверять докторам?

Том подумал секунды две и кивнул.

– Хорошо, Том, – продолжил эскулап. – Скажи, какое сегодня число?

– Двадцать пятое.

– Какого месяца?

– Октября.

– А какой сейчас год?

– Вы задаёте странные вопросы... – Том поёжился, обнял себя за плечи.

Ещё парочка электродов отпала от его движений. Доктор указал санитарам убрать их полностью. Том настороженно следил за действиями медработников, но молчал и не мешал.

Когда санитары закончили, доктор, на бейдже которого значилась фамилия Шерези-Шико, произнёс:

– Может быть, наши вопросы и кажутся тебе странными, но нам важно знать на них ответы.

– Сейчас две тысячи двенадцатый год, – ответил Том. – Разве вы сами не знаете?

– Знаем, – кивнул месье Шерези.

– Нужно пригласить мадам Айзик, – сказал второй врач и удалился в комнату, где был телефон.

Том провёл его взглядом, затем вернул его к оставшемуся доктору. В голове роились десятки простейших и всё равно безответных вопросов, что делало взгляд загнанным, потерянным, давило на плечи. Том украдкой оглядывался по сторонам, пытаясь хоть что-то для себя понять, но тщетно. Того, кто давал ему ответы на все жизненные вопросы, почему-то не было рядом.

В кабинет зашла встревоженная мадам Айзик, коллега ей уже обо всём рассказал. Запрятав волнение подальше, она села напротив Тома, улыбнулась ему лёгкой, располагающей улыбкой.

– Кто вы? – в который раз, уже у неё спросил Том.

Идея посмотреть на бейджики на груди непонятных незнакомцев не приходила ему в голову. И написанная на них информация ровным счётом ничего бы ему не сказала.

– Меня зовут Долорес Айзик, – представилась женщина.

– Том Каулиц.

– Том, как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Только я не понимаю, где я... и мне никто

не объясняет этого, – по-детски пожаловался парень.

Доктор Айзик бросила на коллег укоризненный взгляд и вернулась к Тому.

– Том, пошли со мной. Мы поговорим, а потом я тебе всё объясню.

Том послушно слез со стола. Мадам Айзик взяла его под руку и повела к выходу. Теперь уже коллеги-мужчины осуждающе смотрели ей вслед. Как бы беспомощно пациент не хлопал ресницами, нельзя входить с ним в столь близкий контакт. А во всём материнский инстинкт виноват.

За ними следовал охранник. Том вертел головой и, заметив его, тихо спросил у доктора Айзик:

– Почему этот мужчина идёт за нами?

– Это охранник. Он заботится о твоей и моей безопасности.

– Зачем нам охрана?

– Так нужно, Том.

– Здесь опасно? – парень сильнее вцепился в руку доктора, остановился.

– Нет, это просто меры предосторожности. Не беспокойся.

Мадам Айзик жестом показала охраннику, что всё в порядке. Они зашли в её кабинет.

– Устраивайся, Том, – проговорила женщина и указала на диванчик около стены.

Том сел, плотно сжав колени и положив на них ладони, немного сутулился, окинул взглядом красиво обставленный

кабинет. Он чувствовал себя неудобно, потому что не мог понять, где находится и как сюда попал. А окружающие его люди были чужими, незнакомыми, взрослыми, с серьёзно сосредоточенными лицами.

Мадам Айзик села за стол, положила на него и диктофон, и блокнот для заметок. Подумав, что на расстоянии будет неудобно разговаривать, Том безо всякой задней мысли сел напротив неё. Женщина несколько напряглась, но вида не показала, вопросительно повела бровью.

– Том, тебе удобнее сидеть здесь? – спросила она.

Том растерянно пожал плечами, почему-то этот простой вопрос поставил его в тупик. Потому что сознание и так было дезориентировано сотнями непонятностей.

Он обнял себя за плечи, чуть погладил. Доктор снова обратилась к нему:

– Том, пожалуйста, отвечай на мои вопросы, хорошо?

– Мне всё равно, где сидеть.

– А почему ты решил пересесть?

– Мне показалось, что так будет удобнее.

– Для чего удобнее?

Том нахмурился, непонимающе уставился на доктора.

– Можно я пойду? – проговорил он и встал.

– Подожди, сядь, пожалуйста.

– Я не хочу, – Том помотал головой, отступил на шаг назад, вновь обнял себя за плечи. – Я хочу домой.

– Пока что твой дом здесь. Пожалуйста, сядь.

Том изломил брови, с шоком, неверием и ещё пущим непониманием смотря на женщину.

– Это не мой дом, – с детским упрямством ответил он. – Я знаю, где живу, это совсем не здесь.

– Ты временно проживаешь здесь и скоро обязательно вернёшься домой, так понятнее?

– Нет, не понятнее. Почему я здесь? Я же был дома! Где мой отец? И что это была за странная комната?

– Когда ты был дома? – уточнила мадам Айзик.

– Сегодня. Я сидел в своей комнате, после обеда хотел пойти погулять, а потом... – Том распахнул глаза, от шока зажал ладонью рот. – О, Господи... Белые халаты... Вы врачи? А это больница? Я в больнице?! Меня... машина сбила?

– Да, ты действительно в больнице, но тебя никто не сбивал.

– А что произошло? Почему я не помню этого? – он не кричал, но голос скакал, дрожал, в нём слышались полуистерические нотки.

– Том, сядь, и поговорим.

Том поколебался, но всё-таки снова занял стул, опустил взгляд к своим ногам в незнакомых ему штанах.

Доктор щёлкнула ручкой, придвинула к себе блокнот и произнесла:

– Ты сказал, что был дома, скажи, какого это было числа?

Том поднял к ней удивлённый взгляд. Опять этот странный вопрос.

– Это было сегодня, – с непоколебимой уверенностью повторил он.

– А какое сегодня число?

– Двадцать пятое октября. Мадам, я не понимаю, зачем вы меня об этом спрашиваете и те доктора тоже спрашивали. Неужели вы сами не знаете, какая сегодня дата? Или... уже двадцать шестое?

– Нет, сегодня не двадцать шестое число. Том, какой сейчас год?

Том нахмурился, затем отвлёкся, зацепившись взглядом за электронный календарь, стоявший на столе чуть в оборот. Он развернул его к себе, взял в руку. Женщина поспешила сказать:

– Том, поставь, пожалуйста, на место.

Но Том её не слушал. Он непонимающе пялился на небольшой экран с календарной сеткой, где красным была отмечена сегодняшняя дата: «Третье июля», и вверху значился год – две тысячи шестнадцатый.

– У вас календарь сломан, – без тени сомнений заключил Том, поставив его на место.

И тут же он осёкся, вмиг забыл про сошедший с ума девайс, потому что заметил произвольный узор шрамов, покрывающий тыльную сторону левой ладони. Он поднёс руку к лицу, не веря своим глазам, в них отражался неподдельный шок, непонимание, перемешанное с зародившимся страхом перед тем, чему он не мог найти объяснение.

Том потёр кожу, будто надеясь, что рубцы на ней лишь нарисованы и ототрутся. Но они были пугающе настоящие: выпуклые, впалые, грубые. Поверить было невозможно и страшно, потому что то, что он видел, шло вразрез с тем, что он знал о себе; сознание заняло от жутких несоответствий.

Он с нажимом провёл ногтями по повреждённой коже – на гладких её участках остались белые полосы, и поднял руку, демонстрируя её доктору.

– Что это?!

– Это шрамы.

– Я вижу, что это шрамы, откуда они?! Что происходит?!
Что со мной случилось?!

– Том, успокойся, иначе я прикажу отвести тебя в палату.

– Какую палату? – голос сорвался от ещё большего шока. –
А, да, это же больница... Доктор, пожалуйста, объясните, что происходит. Как я сюда попал? Где мой папа? Он тоже здесь? С ним всё в порядке?

– Да, с ним всё в порядке, он навестит тебя на днях, – со-
врала мадам Айзик. В данном случае ложь виделась оправданной, она могла помочь Тому успокоиться и дать ему хоть какую-то уверенность.

И Том действительно стал выглядеть спокойнее, чуть кивнул, понуро опустил плечи. На него враз обрушилось столько всего, что охватила усталость, склонило в сон. Психика не могла справиться с перегрузкой.

Заметив тень этого в его глазах, доктор Айзик участливо

спросила:

– Том, ты нормально себя чувствуешь?

– Да. Просто спать захотелось.

Том потёр глаза, облокотился на стол и тут же убрал локоть. Он не знал, куда деть руки, не понимал, как нужно вести себя. Снова обнял себя за плечи, взглядом брошенного котёнка посмотрел на женщину.

– Том, я понимаю, что ты устал, – проговорила мадам Айзик, – но мы пришли сюда для беседы, и я бы хотела, чтобы мы её всё-таки провели.

– Какой беседы?

– Ты должен ответить на несколько вопросов.

– Хорошо.

Женщина кивнула и задала вопрос:

– Тебя зовут Том Каулиц?

– Да.

– Ты утверждаешь, что сегодня двадцать пятое октября?

– А разве это не так?

– Просто ответь.

– Да, сегодня должно быть двадцать пятое октября.

– Какого года?

Том покосился на календарь, указал на него и ответил:

– Не этого. Сейчас две тысячи двенадцатый год.

Доктор записала и эти его показания, подняла взгляд к его лицу.

– Том, расскажи подробно о последнем дне, который ты

помнишь.

– Что значит, о последнем? Неужели сейчас не он?

– Не анализируй мои вопросы, а просто отвечай. Я тебе всё объясню, но позже.

Для Тома тот далёкий день на самом деле был сегодня, он не подозревал, что прошли почти четыре года, что ему уже было не четырнадцать лет. Он помнил всё ярко и живо и, не задумываясь, заговорил:

– Я проснулся около десяти утра, принял душ, позавтракал...

– Ты сам готовил завтрак?

– Нет, отец. Я не умею готовить.

Доктор сделала пометку, подтолкнула к продолжению:

– Что было потом?

– Потом я посидел с папой, пока он убирал на кухне, недолго посмотрел телевизор и пошёл к себе в комнату.

– Что ты там делал?

– Толком ничего.

– Можно конкретнее?

– Поиграл, смотрел в окно, оно у меня выходит не так удобно, как в гостиной, но тоже интересно наблюдать, что за ним происходит...

Доктор отметила и про себя, и быстро в пометках, что Том говорил про окно с каким-то особенным теплом, на губах мелькала произвольная улыбка. Это выглядело довольно странно.

Том замолчал, больше ему было нечего сказать, вопросительно, с доверчивой надеждой посмотрел на доктора. Она спросила:

– Том, сколько тебе сейчас полных лет?

– Четырнадцать.

– Когда ты родился? Дата и год.

– Двадцать восьмого сентября девяносто восьмого года.

В глазах мадам Айзик отразилось удивление, потому что эту же самую дату называл и Джерри, что шло вразрез с тем, что она знала об особенностях альтер-личностей из собственного опыта и из трудов других учёных и медиков.

– В каком городе ты жил? – задала она новый вопрос.

– В этом.

– Как он называется?

– Морестель.

А это уже несовпадение. Хотя, в принципе, он мог лгать, мог лгать и Джерри. Или между ними не существовало никакой грани, они являлись одной личностью, и никакое расстройство на самом деле не имело место быть.

– Доктор, теперь вы расскажете мне, почему я здесь? – спросил Том, выдернув мадам Айзик из размышлений.

– Завтра, Том.

– Но...

– Ты можешь быть против, но всё равно мы поступим именно так, – перебила его женщина. – Сейчас тебя проводят в палату, где ты сможешь отдохнуть и выспаться. А зав-

тра, я надеюсь, мы поработаем более продуктивно.

Она позвала охранника, отвела его в сторону и тихо, чтобы Том не услышал, сказала:

– Будьте осторожны с молодым человеком, ему сейчас противопоказаны любые стрессы. Чтобы он ни сделал, действуйте мягко.

– Хорошо, мадам.

Охранник подошёл к Тому.

– Пошли со мной, – проговорил он.

Том послушно покинул кабинет, но, когда охранник привычно отстал, чтобы быть позади, остановился, подождал его и пристроился рядом. Рассматривал его с нескрываемым интересом, цеплялся взглядом за каждую деталь чёрной униформы, за черты сурового лица. Мужчина видел это, но старался не обращать внимания, только боковым зрением контролировал его.

– Как вас зовут? – спросил Том после нескольких минут молчаливого пути.

Охранник недоверчиво покосился на него, но ответил:

– Томас Шварц-Барт.

– Я тоже Том! – аж воскликнул парень, расплывшись в улыбке. – Здорово! Я никогда раньше не встречал тёзку.

Мужчина вновь покосился в его сторону. Он привык водить Джерри, он всё ещё видел его, вот только вёл он себя теперь иначе – как умственно отсталый или просто малый ребёнок. Будто скинул не один год развития и жизненного

опыта, который не позволяет с доверчивой непосредственностью искать общения с чужими людьми, не понимать неответливого молчания и пытаться завязать разговор, интересоваться другим человеком живо, искренне, а не по протоколу этикета.

Мимо провели другого пациента также в сопровождении охраны. Том провёл их взглядом и спросил:

– Тут у каждого пациента личная охрана?

– Типа того.

– А почему так? Я никогда не слышал, чтобы в больницах всё было так серьёзно.

– Здесь это обязательно.

Том спрашивал и спрашивал, но охранник всё меньше откликался, сведя свои ответы к односложным, простейшим предложениям.

– Мы пришли, – проговорил мужчина, когда они поравнялись с нужной дверью, открыл её.

Том заглянул внутрь, с осторожностью переступил порог, разглядывая просторную комнату.

– А где мои соседи? – спросил он, обернувшись к охраннику.

– Все палаты одиночные, – сухо ответил мужчина и, ничего более не сказав, запер перед носом Тома стальную дверь.

Том с минуту стоял под дверью, ожидая, что он вернётся или придёт ещё кто-то, затем отвернулся от неё, вновь скользнул взглядом по практически пустой комнате. Прошёл

вдоль стен, ища какие-то потайные шкафчики, хоть что-то, но ничего подобного не было – только кровать и окно.

Он подошёл к окну, желая открыть его, но не обнаружил ручки. Ощупал всю раму, попытался подёргать, всё тщетно.

Том ещё несколько раз обошёл палату по периметру, остановился посреди неё. Глаза не привыкли видеть такой минимум деталей и красок. От этого складывалось ощущение искусственности, стерильной больничной пробирки.

«Наверное, это очень крутая больница, – подумал Том, сев на кровать, продолжал оглядывать всё вокруг. – Только одиночные палаты и интерьер такой интересный...».

Тем временем доктор Айзик сидела в своём кабинете, задумчиво смотря на закрытую дверь. Хотелось покурить, хоть она много лет назад бросила – всё-таки не каждый день самый сложный случай в твоей практике идёт на поправку. Тут впору не только выкурить призовую сигаретку, но и выпить добрую порцию коньяка.

Полтора года они бились в глухую стену, пытались подбраться к решению проблемы и так и этак – и вдруг, нежданно, без полунамёка, наступила ремиссия.

Но пусть успех был налицо, пусть между Джерри и Томом была пропасть во всём, включая прожитые года, это ничего не доказывало на сто процентов. Каждый, кто успел поработать с Джерри, на собственном опыте убедился, что актёрскими способностями природа его не обделила, и он умел врать на высшем уровне мастерства. Он не просто лгал – он

виртуозно играл, что хоть аплодируй стоя, хоть крестись.

«Если он и сейчас водит нас всех за нос, – подумала доктор Айзик, – ему прямой путь в киноиндустрию. Со своими способностями и обаянием этот мальчик покорит мир».

Поспешных выводов делать было нельзя, нужно всё сотню раз проверить и только потом написать в истории болезни заветный термин – ремиссия.

Ровно в полночь во всех палатах автоматически погас свет, но Том этого не увидел. Успел заснуть раньше, свернувшись калачиком на просторной кровати и не подозревая, что это его первая ночь в клетке.

Глава 4

Том проснулся от ощущения переполненности внизу живота. Очень хотелось в туалет. Свет уже вновь горел, и за окнами тоже было светло.

Спустив босые ступни на пол, он, не до конца проснувшись, пошёл в привычном домашнем направлении, но натолкнулся на стену. Протёр кулаками глаза и, вспомнив, что находится не дома, отправился на поиски уборной, но ни намёка на неё не нашлось. Входная дверь по-прежнему была единственной.

Подойдя к двери, Том пошарил по ней ладонями, силясь отыскать ручку, которой не было. Толкнул её, полагая, что она может открываться в другую сторону. Ничего.

Ещё раз Том обыскал поверхность двери, затем несмело постучал в неё.

– У меня что-то с дверью, она не открывается, – проговорил он. – Откройте, пожалуйста.

Тишина в ответ: ни голосов, ни звуков шагов. Том снова позвал:

– Меня кто-нибудь слышит? Откройте, пожалуйста, дверь. Мне нужно выйти.

Он повторял свои прошения снова и снова, но никто не откликнулся. Перемялся с ноги на ногу, умоляюще смотря на безучастную дверь и чувствуя, как внутри поднимается па-

ника от того, что давление плавно перерастает в резь и естественный позыв становится всё сильнее.

Том с силой постучал, металл низко загудел от ударов.

– Откройте! Мне необходимо выйти! Мне... очень нужно в туалет!

Теперь стало не только страшно не дотерпеть, но и стыдно. Но зато с той стороны ответил один из охранников, дежуривших на этаже.

– Почему кричишь?

– Мне нужно выйти. Очень!

– Зачем?

– В туалет. Пожалуйста, откройте!

– Отойди от двери, – произнёс охранник и отпер дверь.

Не догадываясь о местных законах, Том попытался юркнуть в коридор. Охранник отреагировал молниеносно: забыв о том, что и его предупреждали быть с пациентом из этой палаты осторожнее, заломил Тому руку и прижал его лицом к стене.

Том только и успел испуганно пискнуть, даже не сразу ощутив боль в выкрученной руке. А после забился, как пойманный мотылёк, но куда там – силы были не то, что не равны, их соотношение было просто смешно.

Охранник сомкнул вторую ладонь на загривке парня, удерживая надёжнее.

– Что вы делаете? – взвизгнул Том. – Отпустите! Мне больно!

Охранник отпустил, загородил собой дверной проём. Том смотрел на него исподлобья, держась за ноющую руку.

– Отойди к кровати и держи руки так, чтобы я их видел, – скомандовал мужчина.

– Зачем вы меня схватили? Мне просто нужно в туалет, выпустите меня.

Том говорил с чистейшим наивным непониманием, но это не подкупало. Когда он вновь двинулся к двери, охранник закрыл её и, вытянув перед собой руку, чётко произнёс:

– Не подходи. Стой на месте.

Том всё ещё не мог понять, к чему всё это, но остановился. Холодный, звучный тон не располагал к неповиновению.

– Отойди к кровати, – повторил охранник.

Том послушался и в этот раз, стал, куда было сказано, всё с тем же непониманием, перемешанным с долей обиды за незаслуженное жестокое обращение, смотрел на мужчину в тёмной униформе. Охранник ничего не объяснил и ушёл, а вскоре к Тому зашли двое санитаров и медсестра с ампулой мощного успокоительного в кармане белоснежного халата. И они тоже ничего не говорили, просто контролировали его состояние до приезда лечащего доктора и были готовы принять меры, если вдруг оно выйдет из-под контроля и перейдёт в буйство.

Доктор Айзик приехала через сорок минут к началу смены и сразу же поспешила в палату к Тому. Он сидел на кровати, скрючившись в три погибели, обнимая колени, зверь-

ком смотрел на молчаливых, слишком серьёзных взрослых.

– Вы кололи ему что-нибудь? – даже не поздоровавшись, сходу спросила мадам Айзик у медсестры.

– Нет, он вёл себя достаточно спокойно.

– Это очень хорошо. Сейчас ему запрещены к применению любого рода угнетающие препараты.

– Доктор Айзик, оформите эти указания в качестве приказа, иначе кто-нибудь может их нарушить по незнанию.

– Обязательно оформлю, не сомневайтесь.

Том наблюдал за их разговором, и вдруг стало так обидно, что сдавило горло. За то, что они говорили о нём в его же присутствии так, словно его здесь не было; за то, что так обращались; за то, что не пускали в туалет, ведь это же нонсенс, издевательство!

Он шмыгнув носом и лёг на бок, подтянув колени к груди. Быстро стёр слезу, просочившуюся из края глаза.

Договорив, мадам Айзик подошла к нему, села в изножье кровати. Том демонстративно отвернул от неё лицо, спрятав его в подушке. Её не хотелось видеть, и это позволяло скрыть постыдно влажные глаза.

– Том, это доктор Айзик, – мягко, даже ласково проговорила женщина.

– Я знаю, – буркнул в ответ Том, подушка почти поглотила его слова.

– Расскажи, пожалуйста, что случилось.

Том не ответил, только шумно выдохнул и перевернулся

на живот, но через секунду вновь повернул нижнюю часть тела вбок, потому что от давления на живот становилось совсем невыносимо.

– Том, пожалуйста, говори со мной, – снова обратилась к нему мадам Айзик.

Он сел, устремив на женщину полный незаслуженной злости взгляд.

– Я просто хотел в туалет, а мне чуть руку не сломали! И не выпустили! Так нельзя! Я не хочу здесь быть! Я домой хочу!

– Тише-тише, – успокаивающе произнесла доктор. – Ты хочешь в туалет? Пошли со мной.

Она встала и жестом пригласила Тома следовать за ней. За порогом палаты к ним тенью пристроился охранник; доктор взяла Тома под локоть. Почему-то ей хотелось водить его за руку, это казалось правильным и нужным ему. Может быть, потому, что он вёл себя как маленький ребёнок, и срабатывал инстинкт заботиться о нём.

В уборной Тома тоже не оставили в одиночестве, к нему присоединился санитар, скрестив крепкие руки на груди, машиной встал в стороне. Заметив его, Том вздрогнул, попросил:

– Выйдите, пожалуйста.

– Я должен за тобой приглядывать.

– Хотя бы отвернитесь.

– Я должен за тобой присматривать, – как робот повторил

санитар.

Тому не осталось ничего, кроме как смириться с обществом постороннего человека в столь интимный момент. Он встал сбоку от унитаза, чтобы быть спиной к мужчине, но щёки всё равно полыхали от смущения.

Потом они вышли к доктору Айзик, ожидающей около двери.

– Всё нормально? – спросила она.

Том вконец растерялся, подумав, что должен отчитаться в своих действиях, чего делать совершенно не хотелось. Обернулся на дверь в уборную.

– Да, нормально, – неуверенно ответил он, надеясь, что большего от него не потребуют.

Доктор перевела взгляд на санитаря, тот кивнул, подтверждая, что ничего вопиющего или заслуживающего внимания не произошло.

Тома вернули в палату, там же ему организовали завтрак, посчитав, что пока ему лучше не контактировать с другими пациентами. Это лишь подкрепило его уверенность в том, что это была какая-то супер-крутая клиника. Но некоторые радость и гордость от пребывания в ней поутихли, слишком уж сурово всё было в её стенах, хоть ему было и не с чем сравнить.

В душ Тома сегодня не повели. И после завтрака его проводили в один из кабинетов, где его уже ожидали трое докторов с крайне сосредоточенными лицами, мадам Айзик то-

же осталась.

Эскулапы задавали те же самые вопросы, что и вчера: имя, возраст, место проживания и так далее. Что-то бесконечно записывали, помечали; на столе лежал включенный диктофон, и писала камера, документируя каждое слово и каждый жест.

Опрос казался бесконечным, утомлял. Вопросы повторялись, уточняли всё новые и новые детали, изворачивались. Доктора из кожи вон лезли, чтобы поймать Тома на лжи или опровергнуть подозрения в ней. Потому что либо они недооценили способности Джерри, либо перед ними на самом деле был не он.

После двух с половиной часов расспросов пришёл черёд заключительного шага – аппаратной диагностики. Тома перевели в другой кабинет, он с недоверием покосился на непонятную для него машину, вкуче с креслом, располагающимся около неё, и подобием шлема она вызывала ассоциации с электрическим стулом.

– Что это? – настороженно спросил Том.

– Аппарат для изучения работы мозга, – ответил врач. В принципе, это было правдой, а подробности пациентам были ни к чему.

– У меня не болит голова.

– Садись в кресло, – проговорил мужчина, проигнорировав высказывание Тома.

Том сел, следил за действиями доктора, пока тот всё под-

готовавливал; губы его дрогнули, когда на голову надели конструкцию с тугим ремешком. Он потянулся к виску, чтобы сдвинуть давящую полосу, но доктор перехватил его руку и приказал:

– Ничего не трогай. И опусти руки вдоль тела.

Когда Том исполнил указание, кисти как-то слишком ловко сдвинули и защёлкнули на них фиксирующие браслеты. Он дёрнулся, испуганно распахнул глаза.

– Зачем вы меня привязали? Уберите это!

Том снова дёрнулся, едва не сорвав провода на шлеме. Доктор прижал его за плечо к спинке кресла, максимально чётко и доходчиво произнёс:

– Это меры безопасности. Видишь, ты уже сейчас дёргаешься. А если ты сделаешь это во время работы аппаратуры, то можешь навредить не только ей, но и себе. Понятно?

Том сдавленно кивнул, притих. Доктор сел за аппарат и включил его, сняв первичную пробу, вновь начал задавать вопросы, чтобы проверить главное – активен ли участок мозга, отвечающий за ложь, когда Том рассказывает о себе?

Никаких неприятных ощущений вопреки опасениям Тома диагностика не вызывала. А изображение «прямого эфира из черепной коробки» гласило, что тот самый участок «спал», что означало только одно – Том не лжёт. Или же его случай настолько сложен, что даже в лучшем лечебном учреждении страны с ним не в силах справиться.

На веру взяли первый вариант.

Тома отправили обратно в палату, а доктора собрались целым консилиумом и обсуждали дальнейшую тактику его лечения.

Том сидел на кровати, подобрал колени к груди, и смотрел на дверь, ожидая, когда она вновь откроется и к нему кто-нибудь придёт. Он всё ещё верил в сказку про то, что находится в обычной больнице высокого класса. Привык безоговорочно доверять и не успел убедиться в том, что иногда это бывает неуместно.

Глава 5

В следующий раз к Тому зашли вечером того же дня. Это была доктор Айзик.

Том успел задремать и, когда сквозь сон услышал звук открывающейся двери, сел, протёр кулаком глаза.

– Том, пошли со мной, – проговорила доктор.

– Опять что-то рассказывать? – спросил Том. – Не хочу.

Надоело.

Он снова лёг, дёрганным движением накинул на себя верхнее покрывало.

– Нам необходимо разговаривать, это для твоего же блага.

И сейчас говорить буду в основном я.

– Я хорошо себя чувствую и даже не понимаю, почему я в больнице, наверное, это какая-то ошибка.

– Никто не попадает на лечение без причины.

– Но я же попал? – Том перевернулся на спину, поверх одеяла, закрывающего половину лица, смотря на доктора.

Это выглядело мило и забавно, но умиляться сейчас не время. В этих стенах вообще не должно быть подобных эмоций.

– Об этом я и хочу поговорить, – ответила мадам Айзик, – о причине твоего нахождения здесь.

Том посомневался, но опустил одеяло и сел.

– И в чём она? Я же здоров, почему я в больнице? И поче-

му папа меня не навестил, вы же сказали, что сегодня возможно?

– Мы обязательно свяжемся с твоим отцом. А пока расскажи о нём, – вильнула в сторону доктор, поймав удачный момент, чтобы пополнить сведения о пациенте.

– Вы забыли, как его зовут? – с наивной уверенностью в том, что привёз его сюда именно отец, уточнил Том.

Мадам Айзик кивнула, этот жест меньше обязывал, чем вербализированный ответ, тем более лживый.

– Как его зовут? – на всякий случай отзеркалила она слова Тома, чтобы он точно понимал, что от него требуется ответ.

– Его зовут Феликс.

– А полностью?

– Феликс Йенс Каулиц.

– Где и кем он работает?

Том задумался, отведя взгляд в сторону, нахмурился. Никогда он не интересовался тем, чем отец зарабатывает им на жизнь, и сам Феликс об этом тоже особо не говорил.

– Он работает на дому, – ответил Том после паузы. – В компьютере что-то делает... Кажется, пишет.

– Он программист?

– Нет.

– Он связан с интернет-бизнесом?

– Нет.

– Он писатель?

– Нет.

– Том, ты не знаешь, чем занимается твой отец? – предположила мадам Айзик.

– Я не знаю, как это называется.

– Ладно, оставим пока работу...

– Да, мадам, говорите уже вы. Вы обещали.

Доктор тихо вздохнула. В принципе, даже хорошо, что они не пошли в кабинет, а остались беседовать в палате, потому что здесь Тому некуда бежать и нечего схватить в руки. Момент, когда психиатрический больной узнаёт о том, что является таковым, всегда критический. Невозможно предугадать, как поведёт себя человек после такой новости, но чаще всего проявляется агрессия.

Пришёл час для первой порции горькой правды. Главное преподносить её грамотно и дозировано.

– Том, – заговорила женщина, – то, что я сейчас скажу, может тебя шокировать, но постарайся воспринять мои слова спокойно. Тебе не четырнадцать лет.

– Как это? Мне месяц назад исполнилось четырнадцать.

– Тебе семнадцать лет, меньше, чем через три месяца исполнится восемнадцать.

На лице Тома отразилось даже не удивление, а настолько сильное непонимание, что оно походило на оглушение шоком.

– Мне четырнадцать, я точно знаю, – негромко, но упрямо повторил он.

– Какое сегодня число? – вздохнув, спросила доктор, ре-

шив пойти немного другим путём.

– Двадцать шестое октября.

– Если бы это было так, то тебе на самом деле было бы четырнадцать лет. Но сегодня четвёртое июля две тысячи шестнадцатого года.

– Нет, – Том не нашёл, что сказать, кроме этого, покачал головой.

– Я бы показала тебе дату на мобильном телефоне, но он остался в моём кабинете.

– Я уже видел ваш календарь. Вы так шутите?

– Ни я, ни кто-либо другой не стал бы и не станет над тобой шутить в этих стенах.

– Но шутите же? Сейчас не может быть две тысячи шестнадцатый год. Никак!

– Может, Том. Со временем ты всё поймёшь и примешь, мы поможем тебе в этом.

Том ничего не ответил и, поджав губы, быстрым шагом направился к двери, предпринял попытку открыть её. Затем упёр руки в бока и, развернувшись к женщине, требовательно сказал:

– Я хочу уйти. Откройте дверь.

– Том, прошу тебя, вернись в постель.

Том не послушался и снова попытался отпереть дверь, подцепить, но добился только боли в пальцах, а после пнул её. Из-за неё послышался голос сотрудника охраны:

– Доктор Айзик, у вас всё в порядке?

– Да, всё в порядке, – поспешила ответить женщина и снова обратилась к Тому: – Пожалуйста, иди сюда. Сядь.

– Нет. Почему вы меня не выпускаете?!

Смекнув уже, что если шуметь, то дверь откроют, Том опять ударил в неё. И ещё раз. Охранник действительно не смог не отреагировать на грохот и отпёр дверь; Том хотел протиснуться мимо него в коридор, но был пойман.

– Осторожнее с ним! – крикнула доктор, испугавшись за едва пошедшего на поправку пациента.

Охранник ничего не делал, только сжимал хрупкое запястье Тома, как в тисках, не позволяя покинуть пределы палаты. Тот слабенько вырывался, пытаясь высвободить руку: бороться по-настоящему было боязно, а непонимание того, насколько всё серьёзно, не позволяло усвоить, что нужно исполнять приказы и лишних движений не совершать.

И снова завязался диалог о нём при нём. Том ошарашено слушал, вертел головой, мечась взглядом от одного работника к другой. А потом его оставили одного, ушла и доктор Айзик. Своей реакцией на её слова Том показал, что конструктивной беседы у них сегодня более не получится. Необходимо запастись терпением. А пока пусть отдохнёт, обдумает всё и хотя бы отчасти примет.

Оставшись в одиночестве, Том нарезал не один круг по палате – перевозбуждённое состояние не давало усидеть на месте. Но через какое-то время всё же вернулся в постель, завернулся в кокон всё того же верхнего покрывала.

Он даже не обдумывал то, что сообщила ему мадам Айзик, просто был уверен в том, что она врёт или так странно шутит. Ему четырнадцать, он это точно знал, помнил, как чуть меньше месяца назад они с отцом праздновали его день рождения. Помнил свечи на именинном торте, так красиво смотрящиеся на фоне темнеющего вечера, их дрожащие огоньки и то немного абсурдное, волшебное ощущение того, что всё непременно изменится, которое обычно приходит, когда становишься чуточку старше.

Помнил свои мечты и планы – надеялся, что в течение четырнадцатого года жизни сумеет уговорить папу отпускать его погулять и на соседнюю улицу, а то и по всему огромному (!) пригороду. И, конечно, кто-то из тех прекрасных людей по ту сторону окна рано или поздно обратит на него внимание. Мечты-мечты: простецкие, наивные, чистые, искренние.

Он помнил. Это было не вчера, но совсем недавно. А вчера утром он был дома с отцом.

Почти четыре года не могли просто взять и пропасть, как в фильме про прыжки во времени.

«Хотя на будущее было бы интересно посмотреть, – подумал Том, в который раз переворачиваясь, пытаюсь устроиться удобнее. – Может быть, там машины летают и люди живут с роботами, у которых есть сердца».

Глава 6

*Не сходи с ума – я уже это сделал,
Всё, что говорят, всего лишь слова.
Не вини себя за то, что был смелым;
Ты один нормальный, все сошли с ума!
Evil not alone, Не сходи с ума©*

Ночь выдалась дрянной. Перенапряженная, взбудораженная психика не желала позволять забыться спокойным, здоровым сном. Сначала заснуть не позволял яркий свет, мешал, раздражал, а потом, в крошечной темноте, было страшно.

Том просыпался за ночь не меньше семи раз, хотел попить, как обычно делал это дома, хотел перекусить, потому что за ужином толком не поел, но возможности сделать это не было. И никто не откликнулся с той стороны двери, всех предупредили, чтобы не поддавались на провокации.

Только с рассветом Том сумел более или менее сносно заснуть, а в восемь утра его разбудили. Он капризничал, отказывался вставать, накрывался одеялом с головой, чтобы его оставили в покое, но его подняли. Заправили постель. Отвели в душ.

Настроение было ужасное, состояние немногим лучше. Его даже не смущало общество кажущегося немим продол-

жением интерьера санитара, он толком и не заметил его.

Раздевшись, Том зашёл в душевую кабинку и, включив воду, прислонился к стенке и съехал на пол. Подобрал колени к груди и уткнулся в них лицом. Просто хотелось спать – до невозможности, хоть здесь; тёплая вода лила на ноги.

– Мойся, – напомнил санитар, дважды постучав по прозрачной дверце.

– Отстаньте от меня. Я спать хочу, – пробормотал Том, не поднимая головы.

– Если ты не сделаешь этого сам, мне придётся помочь.

– Оставьте меня в покое!

– Я дважды предупредить не буду, – мужчина сохранял железобетонное спокойствие.

Поджав губы, Том всё-таки встал, буркнул:

– Отвернитесь.

Санитар повёл бровью – то, во что превратился Джерри, его отчасти удивляло, причём он пока сам не определился, в каком именно смысле. Был пациент-мечта, не приносящий хлопот никому, кроме докторов, бьющихся над его лечением, а теперь... Он не отвернулся, но отошёл.

Том повернулся к нему спиной, взял лейку душа, и с губ сорвался нечленораздельный звук шока. Только сейчас, когда длинные рукава вместе с рубашкой остались на вешалке, он заметил опоясывающий шрам на запястье. А затем, медленно, интуитивно опасливо опустив взгляд, увидел и всё остальное.

Это тело, разукрашенное под хохлому уродливыми шрамами, казалось чужим. Оно не принадлежало ему!

Брошенная лейка с треском ударилась об стену, чудом не раскололась. Том, как ошпаренный, выскочил из душа, едва не выбив дверцу, схватил полотенце, сжав его на животе.

– Что это?! Что со мной?! Что происходит?! – он сорвался на истерический крик; выступили невольные слёзы.

Санитар предусмотрительно вышел ему наперерез.

– Успокойся и вернись в душ, – чётко, подняв ладони, проговорил он.

Том не ответил, не смог подобрать слов, всё казалось очень странным сном, комедией, прямым эфиром какого-то шоу со скрытой камерой. И с места он тоже не сдвинулся, только отрицательно покачал головой.

– Если ты не будешь меня слушаться, мне придётся позвать охрану, – снова обратился к нему санитар.

Том сглотнул, зачем-то помотал головой, затем хмуро задумался и негромко спросил:

– Это не больница?

– Нет.

– Это какое-то шоу?

Да или нет? Санитар посчитал, что лучше согласиться, хоть докторам это может и не понравиться.

– Да, ты всё правильно понял, – мужчина подошёл к Тому, указал куда-то вверх. – Видишь камеру?

Том поднял взгляд, куда он показывал, и произвольно

дёрнулся, натянул полотенце повыше, до подмышек.

– Здесь тоже камеры? – переспросил он. – Это же душ?

– Таковы правила. Не волнуйся, съёмку отсюда нигде не показывают.

И Том поверил, иного ему не осталось. Помолчал, вновь опустил взгляд к своим ногам и обратился к санитару:

– Но что это со мной? Это шрамы?

– Все вопросы не ко мне, а к доктору.

– Мадам... кажется, Айзик, мне тоже ничего не объясняет.

– Она обязательно это сделает, а пока вернись в душ.

– Я не буду мыться, если за мной наблюдают, – Том мотнул головой, отступил в сторону.

Уговорить Тома полноценно принять душ так и не удалось. Потом был завтрак в палате, дежурный опрос там же. Подремав после него, Том успокоился, даже решил, что испугавшие его шрамы – всего лишь натуралистический и очень стойкий грим.

Ближе к вечеру доктор Айзик приказала охране привести его к себе в кабинет.

– Том, скажи, что ты думаешь о том, что я сказала тебе вчера? – спросила она, когда парень сел.

– Я об этом не думаю.

– Почему?

– Потому что это неправда.

– Это правда. Сейчас на самом деле две тысячи шестна-

дцатый год, – доктор взяла календарь, продемонстрировала его Тому и предусмотрительно отставила подальше. Вдруг захочет разбить – в лучшем случае об пол, в худшем – ей об голову.

Том потянулся к календарю, но женщина успела взять его раньше.

– Не трогай, пожалуйста.

– Почему мне нельзя посмотреть?

– Это подарок от очень дорогого мне человека, боюсь, уронишь, – солгала она. Что-то ответить было нужно, а показывать пациенту, что ты опасаясь его, нельзя.

Том такой ответ принял, понимающе кивнул. А после попросил:

– Мадам, я больше не хочу участвовать в этом.

– В чём, этом?

– В шоу.

В глазах мадам Айзик отразились удивление и неприятные подозрения, она попросила:

– Расскажи, пожалуйста, подробнее.

– Почему вы всё время делаете вид, что ничего не знаете и не понимаете? – Том повертел головой. – Здесь же нет камер, значит, можно говорить, что я всё знаю.

– Здесь есть камеры.

– Извините... Но я всё равно больше не хочу.

Женщина вздохнула, облокотилась на стол, подперев сцепленными руками подбородок.

– Том, я немного не понимаю тебя.

– Вот опять. Мадам, я всё знаю, мне санитар, точнее, актёр, играющий его, сказал, что это не больница, а шоу.

Впору было хвататься за голову; слова Тома отдавали шизофренией или бредом. Беседу пришлось прервать. Тома мадам Айзик оставила с охраной, а сама отправилась переговорить с тем самым санитаром, чтобы выяснить, симпровизировал ли он или у Тома имелась не одно психическое расстройство. Санитар сознался в первом.

Доктор Айзик вернулась, снова заняла своё место за столом и отослала охранника обратно за дверь.

– Вы поговорили с руководством? – спросил Том. – Мне можно уйти? Я ведь имею право это сделать? Дайте мне позвонить папе, пусть он заберёт меня.

– Том, послушай меня. Это действительно клиника.

– Я же уже знаю правду, зачем вы мне врётё?

– Потому что правду говорю я. Ты можешь не верить мне, но со временем всё равно убедишься в этом.

– Если это так, значит, и шрамы у меня настоящие, а этого не может быть!

– Может.

– Нет. Когда я их получил, что не помню?

– Четыре года назад. В две тысячи двенадцатом году.

Том нервно дёрнулся, мазнул по доктору опасливым взглядом, встал и попятился.

– Вы странная...

– Том, сядь.

– Нет. Я уйду. Прав был папа, не надо мне в больницу, – проговорил Том и вышел за дверь.

Но за порогом его встретил охранник и завёл обратно. Том втянул голову в плечи, ощущая на них крепкие, тяжёлые ладони. Доктор Айзик и охранник коротко обсудили поведение в сложившейся ситуации, в целях безопасности он остался.

Когда сотрудник охраны отпустил и отошёл в сторону, Том огляделся и наткнулся взглядом на ростовое зеркало, напротив которого стоял. Слова мадам Айзик пролетели мимо ушей. Внутри что-то дрогнуло, оборвалось, сжалось.

Паскаль ошибся, с годами он не стал выглядеть ни грубее, ни мужественнее, черты лица изменились лишь едва, просто повзрослели. Но разница между четырнадцатью и семнадцатью годами всё равно была очевидна. Это выбило почву из-под ног и воздух из лёгких, сбросило из и без того непонятной реальности в чёрную кроличью нору.

Не моргая, Том подошёл к зеркалу, метался взглядом по собственному отражению, потрогал его, не веря своим глазам, надеясь, что это просто другой, очень похожий на него человек. Но пальцы холодила серебряная гладь, а из зазеркалья на него смотрело такое же бледное от шока, перепуганное, растрепанное отражение, каким был он сам.

– Том, сядь, – попросила, а скорее потребовала доктор, видя его состояние и опасаясь того, во что оно может вы-

литься.

Том повернул к ней голову, но казалось, что до него даже не дошёл смысл её слов. Он выглядел так, словно сейчас упадёт в обморок: с вытаращенными глазами, едва вздымающейся грудной клеткой.

Так никак и не отреагировав на просьбу мадам Айзик, он отвернулся обратно к зеркалу, рассматривал своё отражение с нечитае­мой гаммой эмоций в глазах и не верил. Задрал кофту, оголяя живот, не отрывая взгляд от зеркала, провёл кончиками пальцев по рубцам на нём. Настоящие. Такие же, как и тот парень из зеркала.

«Этого не может быть!», – отчаянно стучало, выло в голове.

Лицо изломало гримасой тех переживаний, с которыми он был не в силах справиться. Фильм про путешествия во времени вдруг стал реальностью, и из зеркала на него смотрел тот, кем он должен был стать только через четыре года.

Это было слишком. Лёгкие спёрло, кружилась голова. Мадам Айзик повышала тон, силясь достучаться до него, уговаривала послушать её, потом встала из-за стола. Это послужило спусковым щелчком.

Это какое-то сумасшедшее место! Он здесь не останется!

Том резко сорвался с места, выскочил в коридор, уйдя от тянувшихся к нему рук доктора и не успевшего подскочить охранника. Он не знал дороги к выходу и не разбира­л её, побежал вперёд – а навстречу охрана. Дальше всё было, как

в дурном сне.

Повалили на пол, припечатав к нему щекой. Держали так сильно, что кожа немела под чужими руками, бледнела, а на-завтра посинеет. Том пытался вырваться, плакал, кричал, чтобы его отпустили, выпустили отсюда, что он хочет домой. Фоном звучал встревоженный голос мадам Айзик, отдающей приказы, что делать с взбунтовавшимся пациентом.

Принимать решения нужно было в считанные секунды и, желательно правильные, нельзя было упустить ремиссию, ко-торой они так долго добивались.

Слишком быстро Том оказался в своей палате, его силой уложили на кровать. Как по мановению волшебной палочки откуда-то из-под матраса появились ремни и подобно змеям оплели тело, стянули.

Мадам Айзик задержалась в дверях, оглянувшись на опу-танного, крутящегося, как уж на сковородке, парня. Хотелось верить, что он сумеет справиться с реальностью.

Глава 7

Бессонная ночь без возможности пошевелиться усмирила. Когда доктор Айзик зашла поутру к Тому, он уже не истерил, только смотрел на неё красными от недосыпа и выплаканных слёз глазами. Молчал.

Женщина встала сбоку от кровати, на расстоянии двух метров.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она.

Том отвернул от неё голову, снова захотелось плакать.

– Том, – снова, твёрже обратилась к нему доктор, – если ты не будешь разговаривать со мной, я уйду, а ты останешься в таком состоянии.

Это подействовало. Том посмотрел на неё и замучено, севшим от ночного вытья голосом ответил:

– У меня всё болит.

Тело действительно ныло, потому что максимум, что он мог на протяжении последних четырнадцати часов, это дёргаться и крутиться в объятиях ремней, но от этого только одежда перекрутилась и складки намулили.

– Если ты обещаешь вести себя спокойно и поговорить со мной, я попрошу тебя отвязать. Согласен?

А разве есть альтернатива? Только упрямый гордец бы выбрал остаться связанным, чтобы доказать, что он не прогнётся и останется при своих интересах.

Том кивнул. Мадам Айзик позвала санитаров и, когда те расстегнули ремни, парень сел и уткнулся лицом в колени. Было непонятно, страшно, больно. И стыдно за мокрые штаны.

– Том, пожалуйста, посмотри на меня, – попросила доктор и, дождавшись, когда Том поднимет взгляд, продолжила: – Надеюсь, ты понял...

– Пожалуйста, просто отпустите меня, – умоляюще проговорил Том, перебив её.

– Мы не можем тебя выписать, пока не убедимся, что ты готов к этому.

У Тома дрогнули губы, он подобрал колени ещё ближе к груди, обнял их.

– От чего вы меня лечите? Такими методами...

– Я постараюсь тебе всё объяснить, можешь задавать вопросы, если что-то будет непонятно. Но, Том, повторю ещё раз – держи себя в руках, иначе наш разговор тут же закончится, а ты вернёшься в постель.

Доктор Айзик говорила непривычно твёрдо, может быть, отчасти даже жёстко из-за смысла её слов. Запугивать нехорошо, но это и не запугивание вовсе, просто пациент должен отдавать себе отчёт в том, где его границы дозволенного. И заодно это проверка того, способен ли он это понимать и вести себя адекватно.

Выдержав паузу на тот случай, если Том захочет что-то ответить или уточнить, доктор добавила:

– Скажи, ты готов сейчас беседовать? Или, может быть, ты хочешь сначала привести себя в порядок, позавтракать?

– Я хочу в душ, но только в одиночестве, без санитаря, актёра... я уже не знаю, кто он.

Доктор Айзик пошла на уступку и в то же время хитрость – попросила санитаря зайти не сразу, чтобы Том уже начал мыться, так был шанс, что он его не заметит. Том принял душ, переделся в чистую одежду и в сопровождении «взявшегося непонятно откуда» санитаря и охранника вернулся в палату. Там как раз заканчивали менять постельное бельё; на принесенном ей стуле ожидала мадам Айзик. Закончив, уборщица открыла окно и удалилась.

Кожу лизнул едва уловимый вздох свежего воздуха. Тому хотелось подойти к окну, выглянуть наружу, подышать, но он сел на кровать.

Мадам Айзик начала свой рассказ с того, что такое диссоциативное расстройство идентичности, объясняла максимально доходчиво, разжёвывала, постоянно следила за реакцией Тома, пытаясь понять, понимает ли он её, сама подталкивала его к уточняющим вопросам. А потом перешла к главному – к тому, что именно этим расстройством он страдает. Том более или менее понял сухую, заковыристую теорию – а известно, что психиатрия является самой сложной отраслью медицины из-за скрытости предмета её изучения, в ней сам чёрт ногу сломит – по крайней мере, уяснил, что диссоциативное расстройство идентичности – это когда в че-

ловеке сосуществуют две и более личности, по очереди захватывая власть. Он не мог понять другого – каким образом это относится к нему? Как это, я спал четыре года, а моим телом управлял кто-то другой?

– Его зовут Джерри, – сказала доктор, подводя свой рассказ к завершению, – ту, другую личность.

– Джерри? – с непонятной, близкой к пisku интонацией переспросил Том.

Пока шок был слишком силён, чтобы всё осознать в полной мере, испугаться, забиться об стены, сойти с ума от неприятия реальности.

– Да, Джерри, – кивнула женщина. – Тебе интересно узнать о нём?

Том замотал головой, отполз назад, вновь загородившись коленями. Доктор вздохнула и проговорила:

– Хорошо, как хочешь. Поговорим об этом позже, когда ты будешь готов.

Она выдержала паузу, с внимательным ожиданием смотря на парня. Так просто уходить не хотелось, разговор казался незавершённым.

– Разве такое возможно? – дрожащим голосом спросил Том.

– Возможно, Том. Ты сам убедился, что стал взрослее, но не помнишь, как это происходило. А я дала тебе объяснение этому. Если у тебя есть какие-то вопросы, спрашивай, не стесняйся.

– Как так получилось? Откуда эта... диссоциация?

Заставить себя сказать «другая личность» он не смог. Страшно признать вслух, что в тебе ещё кто-то живёт, и Том пока ещё просто не принимал это, был не в силах осознать. В его понимании проблемы с личностью сводились к голосам в голове – самому растиражированному образу психически нездорового человека. Но никак не укладывалось в голове, что куда-то могут пропасть несколько лет, а ты в течение них жил, но это был вовсе не ты. Это уже какой-то сказ о подселении демона!

Тома нервно передёрнуло от собственных мыслей – правильно отец говорил, чтобы не увлекался фильмами ужасов; он исподлобья посмотрел на доктора.

– Диссоциация наступает вследствие какого-то травмирующего события или событий, – повторила она.

– Но со мной ничего такого не было. Почему это случилось?

Мадам Айзик предполагала, что ответом на данный вопрос может быть подвал, в котором Тому довелось побывать, и все связанные с этим жуткие события, но озвучивать этого не собиралась. Это должен был сделать он сам.

– Полагаю, ты можешь не помнить того, что с тобой произошло, – произнесла она. – Это нормальная реакция на травматический опыт.

Том открыл рот и снова закрыл, нахмурился, а после поднял левую руку тыльной стороной вперёд.

– У меня на теле много таких шрамов. Это может быть как-то связано?

– Думаю, что да. Не беспокойся, Том, мы поможем тебе всё вспомнить.

Том кивнул, положил ладонь на колено и опустил к ней взгляд. Внутри дрожало от возбужденного волнения и неизвестности; эти рубцы – ключ к прошлому. Он ещё не знал, что меньше всего в жизни захочет вспоминать свой кошмар, запрятанный так глубоко и надёжно, что к нему не подобраться ни сознанием, ни чужими словами, ни связанными с ним запахами.

Спасибо Джерри за это.

Оставив его, доктор Айзик направилась в свой кабинет и около него столкнулась с сотрудником полиции, с которой они связались, как только Том пришёл в себя.

– Мадам Айзик?

– Да, это я.

– Капитан Ульи, – представился полицейский. – Мы можем поговорить?

– Конечно. Пройдём в мой кабинет?

Мужчина кивнул и, когда они оказались за закрытой дверью, произнёс:

– Я к вам по поводу того молодого человека – Тома Каулица. Дело в том, что нам не удалось найти о нём никакой информации.

В глазах мадам Айзик сперва отразилось удивление, а

после сменилось неприятным напряжением. Неужели они ошиблись, и долгожданная ремиссия на самом деле была всего лишь переключением одной альтер-личности на другую? Иных объяснений тому, почему о Томе ничего не было известно, не находилось.

– Капитан, вы уверены? – уточнила доктор.

– Мы можем всё перепроверить, но в этом едва ли есть смысл. Либо это не его настоящее имя, либо он является гражданином другой страны, а во Францию въехал нелегально и не был нигде учтён.

«Нет, нет, нет!» – хотелось закричать доктору Айзик, но она сохранила самообладание и спросила:

– Вы можете немного подождать меня?

Получив согласие капитана, она взяла диктофон и вернулась к Тому. Тот стоял около окна и нюхал опьяняющую свободу, которой был полон бесконечный мир за решёткой.

– Том, сядь, пожалуйста, нам нужно поговорить, – произнесла женщина. – Это важно.

– Почему я не могу стоять?

– Том, сядь.

Парень послушался, и доктор попросила:

– Повтори, пожалуйста, как зовут твоего отца. Полностью.

– Феликс Йенс Каулиц.

– Какой у него номер телефона?

Том растерялся. Он не знал номера отца, потому что ему не было необходимости звонить ему. И их домашнего номе-

ра он тоже не знал, потому что его было некому давать.

– Я не знаю... – проговорил он. – А вы хотите позвонить ему?

– Да.

От досады Том до боли закусил губу, а после прикусил ноготь на большом пальце.

– Том, – вздохнула женщина, – нам нужны хоть какие-нибудь сведения о твоём отце. Или, может быть, ты сообщишь нам контакты матери?

– Моя мама давно умерла, – с горечью, которая не может пройти, ответил парень.

– Значит, остаётся только отец.

– Я могу сказать наш адрес.

– Говори.

Том продиктовал точный адрес их проживания, попросил, чтобы папе передали, чтобы он как можно скорее приехал к нему. Сказав, что непременно проследит за исполнением его просьбы, доктор Айзик отправилась обратно в свой кабинет.

– Я узнала адрес, по которому Том проживал с отцом, – проговорила она и положила перед полицейским диктофон.

Капитан переписал информацию с записи в блокнот, и, сказав, что её проверят, и попрощавшись, ушёл. Расследование дела «о мальчике из ниоткуда» никак не желало заканчиваться.

К Тому зашла уборщица, закрыла окно.

– Оставьте, пожалуйста, – попросил он.

Работница сделала вид, что не слышит его, и покинула палату. На двери щёлкнул засов.

Том подошёл к теперь уже бездыханному окну, выглянул на улицу. В голове толком не было мыслей, слишком много шокирующей информации влили в сознание. А это ведь было только началом, верхушкой айсберга.

Ему ещё только предстояло узнать, что он находится не в обычной больнице, а в учреждении принудительного лечения. Что он не в родном городке, а в вечно влюбленном Париже. Вспомнить, что было там, в прошлом. И в довершении, как вкусить вишенку на торте – чужими устами открыть для себя факт того, что Джерри порезал трёх человек, из-за чего он, Том, и проснулся за решёткой.

Но это всё потом. А пока хотелось увидеть папу, понять, что произошло. И на улицу.

Глава 8

*Законы хитрый фокус-покус,
Корона на судьбе-злодейке!
И наша кровь ей только соус
В любимом человечьем стейке.
Слот, Просточеловек©*

Первая прогулка Тома выпала на субботу. Ему объяснили про то, что она будет длиться два часа, вывели во двор и оставили. Время, которое пациенты проводили на улице, было единственным, за исключением нахождения в палатах, когда их пристально не контролировали, позволяя хоть какую-то свободу. Были только дежурный, ответственный за прогулку врач, к которому нужно было обращаться в случае чего, и наружная охрана.

Двор был поистине огромным. Том несмело прогуливался по нему и не мог всё объять взглядом. Толком никого не было видно, у большинства пациентов были свои любимые места и территории для прогулки, куда они уходили, получив волю.

Мимо прошёл седоватый, прихрамывающий на левую ногу пожилой мужчина. Том попытался заговорить с ним, поздоровался, но тот как шёл, так и продолжил путь. Обидно, однако. Постаравшись не думать об этом, Том направился в

противоположную сторону, но вскоре остановился, рассматривая сплошной монолит каменного забора. Он был настолько высок, что приходилось заирать голову, чтобы видеть его конец. Казалось, он давил небу, и неба из-за него видно не было.

Том подошёл к нему, положил ладонь на удивительно гладкий камень. Тёплый. И солнце светило так ярко и жарко, что приходилось поверить, что сейчас на самом деле лето. В октябре так не бывает.

Он двинулся вдоль забора, по периметру обходя территорию, периодически вёл по камню пальцами, пока тот не натёр их подушечки, заставив отдернуть руку и потянуть больное место в рот, чтобы не пекло.

Вокруг было пустынно и тихо. Ветер лениво шумел, но только там, за забором, даже ему не было хода на территорию «белого центра».

Идя туда, не знаю куда, Том добрёл до парадной части двора. Взору предстали ослепительно белоснежные, завораживающие в своём величии ворота: сверху овальные, вытянутые под планку забора, с двумя стандартными дверями внизу.

Не раздумывая, Том направился к ним. Хотелось рассмотреть это чудо поближе, прикоснуться к нему, может быть, выглянуть за пределы больничной территории.

– Стой на месте! – раздался голос из одной из смотровых вышек.

Том и не подумал, что обращаются к нему, даже не понял, откуда кричали.

Всех сотрудников службы охраны предупредили о том, чтобы они были терпимее с Томом, но над внешней охраной доктора не имели власти. У неё была всего одна цель – не допустить попытки побега.

– Не подходи к воротам! – озвучил второе предупреждение охранник, видя, что пациент ведёт себя спокойно.

А Том простодушно ответил:

– Я только посмотрю! – сделал ещё шаг вперёд.

Прогремел выстрел, и пуля со свистом рассекла воздух в каком-то полуметре от Тома. Он вскрикнул от испуга, зажал уши.

Началась свистопляска, прибежала и охрана, и дежурный доктор. Полчаса Тому объясняли всё, доходчивее изъяснили правила прогулки и, убедившись, что он в адекватном состоянии, позволили её продолжить, предварительно отведя обратно на задний двор.

Том обнял себя за плечи, растерянно, всё ещё испуганно оглядываясь по сторонам и не подозревая, что за ним с первых минут прогулки наблюдают. Наконец, следящий обозначил себя, позвал:

– Эй, парень?

Том повернулся в сторону оклика, на приличном расстоянии от него стоял мужчина также в больничной униформе. Это был тот самый насильник и убийца, специализирующий-

ся на юношах, – Ольфред Мазинуар, но сам себя он называл – Стен, друг Стен. Те, кто компоновал группы для прогулок, проглядели и записали его вместе с тем, кто вполне мог свести его с ума.

Том огляделся в поисках других людей, к которым мог обращаться незнакомец, но их не было. Вопросительно показал на себя пальцем.

– Да, я к тебе обращаюсь, – с располагающей улыбкой ответил на немой вопрос мужчина и двинулся к нему.

Том сделал несколько несмелых шагов навстречу и, когда незнакомец подошёл, спросил:

– Зачем вы меня звали?

– Давай на «ты», хорошо?

– Как скажешь.

– Я просто познакомиться хотел, пообщаться... Ты не против?

– Нет, – Том невольно улыбнулся, выдав с потрохами то, что так отчаянно желал чьего-нибудь общества. И глаза его свидетельствовали о том же.

– Здорово. А то не с кем даже поговорить. Здесь все не особо общительные, ты заметил?

– Я пока говорил только с одним человеком, точнее, пытался... – немного смущённо ответил Том.

– Так ты новенький?

– Да.

– Я тоже.

Том снова улыбнулся. Здорово встретить того, кто в той же ситуации, что и ты, это сближает и скрашивает одиночество.

– И что этот человек? – поинтересовался Стен.

– Прошёл мимо. Может быть, не услышал, дедушка же.

– Может быть... Кстати, я Стен.

– Том.

– Приятно познакомиться.

– Взаимно.

– Том, как смотришь на то, чтобы перейти в более укромное место? Здесь солнце печёт.

– Я не против.

Стен держался совершенно обычно и дружелюбно, что не давало Тому никаких поводов для опасений. В своё время эта патологическая нормальность поставила в тупик не одного специалиста и в ней была его главная опасность – заранее невозможно было понять, кто перед тобой, а потом может быть поздно.

Мужчина поманил рукой, и Том доверчиво пошёл с ним. Он был рад и общению, и возможности посмотреть укромные местечки, они виделись заведомо интересными.

Стен завёл их в отдаленную часть двора, где в окружении деревьев, спрятавшись в их тени, была небольшая уединенная полянка.

– Не бойся испачкать штаны, садись, – проговорил Стен и сел на траву.

– Я и не боюсь, – отозвался Том и последовал его примеру. Сперва скрестил ноги по-турецки, а после отклонился назад, с нескрываемым любопытством разглядывая стены из стволов и импровизированную крышу крон.

Здесь было свежо, прохладно и действительно уютно. Такая атмосфера располагает к тому, чтобы долго-долго прятаться от всех и вполголоса делиться секретами.

– Как тебе? – поинтересовался Стен.

– Мне нравится, – Том ещё раз обвёл пространство взглядом и сел ровно.

– Я рад, – губы мужчины тронула полуулыбка. – Сам полюбил это место, тут отдыхать гораздо приятнее, чем бесцельно гулять по двору.

Не найдя, что ответить, Том кивнул, посомневавшись немного, подсел ближе. Стен вновь слегка улыбнулся только губами, не сводя с него внимательного, изучающего взгляда.

– Том, сколько тебе лет? – спросил он после короткого молчания.

– Четырнадцать.

Стен поднял брови, пытливо оглядел его.

– Ой, то есть семнадцать, – поправился Том, чувствуя, как кровь прилила к щекам.

Как глупо! А глупо ли? Вдруг стало необъяснимо грустно, он потупил взгляд. Не пропустив этого, Стен сел рядом с ним и серьёзно, участливо спросил:

– Том, почему ты загрустил?

Парень неровно пожал плечами, качнул головой, мол, действительно глупость. Но Стен тактично настоял:

– Поделись со мной, самому легче станет.

– Не знаю, как объяснить, это странно... – не поднимая головы, Том отвёл взгляд в сторону.

– Я постараюсь понять. В конце концов, общение для того и есть, чтобы делать это по отношению друг к другу.

Том открыл рот, подумал-посомневался ещё пару секунд и ответил:

– Доктор говорит, что мне семнадцать лет, а я помню, что четырнадцать. Сначала я не верил ей, а потом... сам убедился, что это правда. Или неправда. Может быть, мне не семнадцать лет, но уже и не четырнадцать. Странно, да?

– А доктора объяснили, почему так произошло?

Том заметно помрачнел от этого вопроса, но ответил:

– Доктор сказала, что у меня дис... диссо... – правильный диагноз никак не припоминался. – В общем, раздвоение личности.

Стен понимающе, со знанием дела покивал.

– В этом нет ничего страшного или постыдного, – он ободряюще похлопал парня по плечу.

Том невесело улыбнулся, лишь приподнял уголки губ.

– Я даже толком не понимаю, как это, – проговорил он.

– А тебе понимать и не обязательно, ты же не психиатр, чтобы знать всё и разбираться в этом.

– То есть это психиатрический диагноз, и я больной на го-

лову? – спросил Том и с горечью посмотрел на собеседника.

– Я бы не сказал, что ты больной, а я в этом разбираюсь.

– Ты тоже врач?

– Можно сказать и так.

Теперь уже Том чуть покивал, подсел ещё ближе, оставив между ними не больше десяти сантиметров расстояния. Несмотря на жару, хотелось тепла, хотелось контакта с другим человеком, ему этого так не хватало. Хотелось опустить голову на плечо и почувствовать поддержку не только на словах. Он был как бездомный котёнок, который в поисках ласки доверчиво бежит ко всем.

Стен безукоризненно уловил этот момент, прочувствовал. Обнял его одной рукой, привлёкши к себе, и склонил его голову себе на плечо.

В носу защипало от вновь навернувшихся слёз. Непонятный момент: вроде и хорошо всё и в то же время тоскливо до скулежа.

– Я домой хочу, – невпопад, на грани шёпота проговорил Том.

– Ты обязательно скоро вернёшься туда. Такого замечательного мальчика не смогут долго держать здесь.

Они провели в уютной тени оставшийся прогулочный час, разговаривали, узнавали друг друга, иногда молчали. Даже не имея часов, Стен как-то понял, что свободное время подошло к концу, тронул Тома за плечо.

– Прогулка вот-вот закончится, нам пора возвращаться.

– А задержаться нельзя?

– К сожалению, нет, здесь строгие правила.

– Странные здесь правила, очень уж суровые, – Том вздохнул и встал, отряхнулся.

Стен покивал, показывая, что полностью разделяет его позицию.

– Это так, – ответил он. – Но в понедельник будет новая прогулка, можем снова провести её вместе.

– Буду рад, – Том искренне улыбнулся ему.

– Я тоже. Приходи сюда, я буду ждать.

Вдалеке раздался голос дежурного доктора, напоминающего пациентам о том, что пора возвращаться в здание. Стен устремил в сторону звука внимательный взгляд, помолчал секунду и добавил:

– Нам действительно пора.

– Пошли.

Они подошли к краю естественного укрытия, и мужчина произнёс:

– Будет лучше, если мы вернёмся по отдельности, здесь не слишком поощряется общение между пациентами.

– Почему? – неподдельно удивился Том.

Стен пожал плечами.

– Не знаю. Сам же сказал – правила тут строгие и странные.

– Ну да... Тогда до встречи?

– До понедельника, – Стен ещё раз улыбнулся ему на про-

щание, по-дружески, легко похлопал по плечу и пошёл направо, чтобы по длинному пути обогнуть корпус и выйти к главному входу.

Том ещё несколько минут смотрел ему вслед, а когда вновь послышался оклик доктора, вздохнул и направился в противоположную сторону. Уходить со двора не хотелось, потому что, пусть он и обнесён огромным забором, это почти свобода, и можно общаться с кем захочешь – папа не поругает и не загонит обратно домой. Разве что доктора тоже против, но от них можно скрыться.

«Тайные друзья», – Том улыбнулся собственной мысли и прибавил шаг.

Глава 9

– Вы поговорили с папой? – с надеждой спросил Том, едва мадам Айзик зашла к нему.

С момента их разговора, в котором Том обозначил, как найти отца, прошли восемь дней. И каждый день не по разу он спрашивал о том, исполнили ли его просьбу, и как скоро ему ждать визита самого близкого, единственного родного на свете человека.

– Да, мы связались с ним, – наконец-то более или менее ясно ответила доктор, тени тяжелой интонации в её голосе Том не уловил.

– Когда он приедет? Сегодня?

Воодушевившись, Том даже встал с кровати. Женщина жестом попросила его сесть обратно и ответила:

– Он навестит тебя, как только мы позволим.

– А когда вы позволите?

– Это уже зависит от тебя.

Тома такой ответ одновременно и огорчил, и простимулировал. Подумав пару секунд, он с готовностью спросил:

– Что от меня требуется?

– Сотрудничать с нами и помогать нам помогать тебе.

Тавтология, но зато доходчиво и смысл кристально понятен. Вот только по выражению лица Тома становилось ясно, что он не очень-то понял её.

Мадам Айзик попробовала объяснить иначе:

– Том, я полагаю, что ты готов к лечению, в этом нам и нужно твоё содействие.

– Я же ничего не смыслю в медицине?

Доктор даже улыбнулась такому наивному и в то же время уверенному ответу. Она сказала:

– От тебя не требуется никаких знаний. Просто делай то, что скажут. Хорошо?

– Хорошо.

– Я рада, что мы договорились. В таком случае можем начать уже сейчас.

– Куда-то нужно идти?

– Ты подожди, я договорюсь и пришлю за тобой.

Том кивнул, и мадам Айзик удалилась. Через полчаса к нему зашёл охранник и отвёл в неведомый ему доселе кабинет с весьма интересной и приятной отделкой. Здесь оказалась и доктор Айзик, а за столом сидел незнакомый ему мужчина также в белом халате, он не без любопытства оглядел Тома и произнёс:

– Здравствуй, Том. Я доктор Деньё, гипнолог.

Том с одной стороны не понял, к чему в больнице гипноз, в его сознании он ассоциировался с прочими фокусами и цирком, а с другой растерялся, на всякий случай уточнил:

– Гипнолог это тот, кто занимается гипнозом?

– Да, Том, всё правильно. И именно этим мы с тобой займёмся, я надеюсь.

– Зачем?

– Помнишь, я говорила, что тебе нужно вспомнить, что с тобой произошло? – вступила мадам Айзик. – Гипноз поможет тебе это сделать.

– А вы прямо настоящий гипнотизёр? – недоверчиво сощурившись, вновь обратился Том к доктору Деньё.

– Я гипнолог, – поправил его мужчина. – Гипнотизёры – это шарлатаны, развлекающие народ. А настоящий я или нет, судить тебе. Располагайся, пожалуйста, – он указал ладонью на кушетку.

Том кивнул и сел, бегло осмотрелся. Ему, безусловно, нравился этот кабинет.

– А каково это – быть под гипнозом? – спросил он.

– Это трудно объяснить. Но ничего страшного в этом нет, даже приятно и очень полезно.

– Надеюсь. Не хотелось бы, чтобы в этом состоянии вы заставили меня делать всякие там глупости.

Доктор Деньё бросил на коллегу красноречивый взгляд. Да уж – одна внешность, один возраст, а какая разница между двумя молодыми людьми. И Том его хотя бы не раздражал, по крайней мере, пока.

– Том, у тебя есть ещё какие-нибудь вопросы ко мне? – обратился к нему мужчина.

– Нет, наверное.

– Хорошо. В таком случае ложись.

Том лёг, поёрзал – подушка казалась жутко неудобно. Ме-

сье Деньё терпеливо выждал, пока он уляжется, и включил музыку. Из колонок полился расслабляющий трансовый мотив с барабанами, напоминающими биение сердца, ведущими пульс за собой. Том положил ладонь на грудь, будто пытаясь проверить, так ли это, забилося ли сердце иначе. Но его отвлѣк месье Деньё.

– Том, закрой глаза и расслабься, ни о чём не думай. Слушай музыку и мой голос.

Том послушно закрыл глаза. Было немного боязно из-за неизвестности, впервые ведь он участвует в подобном, и по той же причине интересно.

Выбросить все мысли из головы оказалось на редкость просто, этому способствовали общая атмосфера и голос гипнолога, который вѣл за грань сознания. Осталось только уханье пульса в ушах, и вскоре дыхание стало размеренным, как во сне, а сознание ускользнуло, стало иным.

– Том, ты меня слышишь? – проговорил месье Деньё.

– Слышу.

– Нам нужно узнать, что произошло двадцать пятого октября две тысячи двенадцатого года. Перенесись в тот день.

Гипнолог выдержал паузу и спросил:

– Ты там?

– Я дома.

– Хорошо, Том. Опиши, что ты видишь вокруг.

– Я в своей комнате. В ней есть кровать, письменный стол, два шкафа и большое окно. На стенах светло-зелѣные обои...

Вопрос-ответ, вопрос-ответ. Следуя за вопросами доктора Деньё, Том рассказывал всё о том далёком, но не для него, дне, плавно пересёк черту, за которой заканчивалась память. Снова отправился на роковую прогулку.

– Меня кто-то зовёт... – проговорил Том. – Привет. Я... думал, что ты зовёшь не меня. Меня?

Доктора насторожились. Месье Деньё спросил:

– Кто подошёл к тебе?

– Александр... Конечно. Ты – Александр. Да.... Я... Я много слышал о тебе, видел тебя часто...

Доктора внимательнейшим образом слушали кажущуюся бессвязной речь Тома, являющуюся частью диалога со «звездой пригорода», с которым он даже не мечтал когда-нибудь заговорить, но тот сам сделал шаг навстречу. Месье Деньё задавал вопросы, когда нужно было что-то уточнить.

Том поведал обо всём, чем был наполнен для него тот день, с широкой, не желающей гаснуть улыбкой рассказывал свои эмоции от приглашения Александра. А в конце дня он просто лёг спать: в свою постель, безо всякого насилия и прочих ужасов. На этом сеанс было решено закончить.

Когда Тома увели, доктор Деньё подошёл к окну и, сцепив руки на поясице, устремил в него задумчивый взгляд.

– Я думал, что разгадка кроется в том дне, – произнёс он.

– Я тоже. Но придётся ещё поискать.

– Вот так всегда, – покивал мужчина, – мне достаётся самое грязное дело – копаться в чужом подсознании, причём

не по разу.

– Это твоя работа.

– Ненавижу её.

– Я же знаю, что ты на самом деле любишь её, – мадам

Айзик улыбнулась ему.

Мужчина криво поднял уголок губ в ответ. Да, она права. Просто склад характера у него такой – любит поносить работу, которую считает делом жизни, и тихо, а иногда не очень, ненавидит тех, кто мешает ему её делать.

Оказавшись в палате, Том упал на кровать и обнял подушку, никак не мог перестать улыбаться. То, что он вспомнил, было прекрасно. Это лучше самой смелой мечты! Он приглашён на настоящую вечеринку!

В душе сохранялось, искрило всеми огнями радуги ощущение того, что ему только предстоит посетить эту вечеринку. Он заново переживал те радостно сумасшедшие эмоции предвкушения.

Только через час улыбка померкла на губах, запоздало пришло осознание того, что праздник уже давно прошёл, просто в памяти почему-то не задержался. Но осталась вера в то, что дома ждёт не только отец, но и друзья, которыми он там обзавёлся.

Теперь стало вдвое интереснее узнать, что же скрывает прошлое.

– Как я мог об этом забыть? – сам себе прошептал Том и перевернулся на бок лицом к окну, продолжая прижимать к

груди уже перенявшую тепло его тела подушку.

Глава 10

*Ненастоящий смех,
Глупый маленький мальчик.
Тянешь ладони вверх,
В небо!
Atakata, Солнечный зайчик©*

– Ты когда-нибудь был под гипнозом? – спросил Том.

Они со Стеном вновь разместились на тенистой полянке; каждую прогулку они проводили вместе, чего так и не заметили доктора.

– Нет, – ответил мужчина. – Но, вероятно, буду.

– А у меня сейчас как раз идут сеансы, два уже было.

– И как?

– Прикольно, – Том лёг на спину, подложив руки под голову, устремил взгляд в прореху лазурно-голубого неба меж густыми кронами. – Как будто спишь, но не спишь... Доктор Деньё сказал, что это трудно описать, так и есть.

– А для чего тебе назначили гипноз?

– Хотят, чтобы я всё вспомнил. Я тоже этого хочу, особенно теперь. Знаешь, я вспомнил, что меня позвали на вечеринку, это ошеломляюще! Вот только странно осознавать, что она уже давно прошла...

Том несколько погрузился, задумался над тем самым –

давно, всё было давно.

– Не могу понять, как так могло получиться, что я её за-
был, – снова заговорил он, всё так же смотря в небеса. – И не
могу поверить, что меня позвал Александер – его все любят,
я даже не думал, что он знает о моём существовании – и что
это уже в прошлом. Может быть, это всё-таки неправда? Не
приглашение, а то, какой сейчас год? – он привстал на лок-
тях, с вопрошающей надеждой смотря на собеседника.

Том готов был задавать этот вопрос бесконечно, потому
что поверить в «сумасшедший скачок во времени» всё равно
не удавалось, хоть, вроде как, он уже и смирился с ним. Он
оставался всё тем же четырнадцатилетним мальчиком, меч-
тающим о друзьях и свободе, а навалившаяся реальность яв-
лялась для него странным квестом, игрой. Не нарочно он не
верил, что это и есть настоящая жизнь, из которой уже не
сбежать – можно лишь выйти со временем из больницы.

– Истина спорна, – ответил Стен, – для каждого она своя.
То же самое и с реальностью – всё зависит от того, во что
ты веришь.

– А если я не знаю, во что верю? – парень нахмурился,
чуть мотнул головой. – В смысле – я запутался.

– Именно поэтому ты здесь. И я тоже постараюсь помочь
тебе разобраться в себе. Не беспокойся, время всё расставит
на свои места, ты не один.

– Спасибо, – Том слегка улыбнулся, снова лёг. – Стен,
только не говори никому, но ты лучше здешних докторов и

ты гораздо больше помогаешь мне. Они холодные и не всегда отвечают на вопросы, а вот спрашивают постоянно.

– Ты мне тоже помогаешь, без тебя было бы одиноко.

Том снова улыбнулся – на этот раз шире, ведь так приятно такое слышать, потянулся, чуть выгнувшись, и заложил руки под голову.

Он говорил и говорил, делился тем, что творилось на душе, что тревожило и радовало. Стен больше слушал, кивал, давал комментарии, а сам не мог оторвать взгляда от беззащитной хрупкости рёбер, проступающих через лёгкую, невинно-светлую рубашку, и полосы белой кожи, которую открывала немного задравшаяся вещь. От этого в районе солнечного сплетения сворачивался тугой узел, и зверь внутри пробуждался, поднимал нос по ветру, пока ещё пряча свои клыки.

Стен провёл по оголенному участку пальцами, и Том замолк, непонимающе посмотрел на него. Всё-таки низ живота довольно интимное место, и чужие прикосновения ощущаются там очень остро, особенно когда это происходит впервые.

– Не знал, что у тебя тут шрамы, – как ни в чём не бывало проговорил мужчина. – Можно? – он поддел низ рубашки, ещё немного сдвинув её вверх.

Том кивнул, не зная, как ещё реагировать; ткань неспешно ползла всё выше, пока не добралась до подмышек. Он даже поднял руки и приподнялся, позволяя снять с себя ру-

башку, и снова лёг. Ощущение контакта голой кожи с травой было непривычным, но достаточно приятным; зелень холодила, кожа покрылась мурашками.

Не выдержав дольше пары мгновений, он прикрылся, но Стен отстранил его руки.

– Не надо стесняться, – произнёс мужчина, – ты очень красивый.

– А эти шрамы?

– Они тебя не портят.

Стен провёл кончиками пальцев по двум рубцам под правыми рёбрами. Он не солгал. В его глазах шрамы не просто не портили Тома, а делали его ещё привлекательнее, оттеняли чистую белизну цветом прошлой боли: острой, рвущей, пьянящей. Грубые рубцы манили, к ним хотелось прикоснуться. И хотелось узнать, откуда они взялись, покатасть на языке подробности.

Том отвёл взгляд, он чувствовал себя двояко: и не было ничего такого в этом моменте, просто обычное проявление интереса к нему, и всё равно от наготы он испытывал смущение. По коже пробежала новая волна мурашек.

– Тебе холодно? – участливо поинтересовался Стен.

– Нет.

Про собственную неловкость Том решил промолчать, чтобы не выглядеть глупо. Стен чуть кивнул, окинул его беглым с виду, но пронизывающим, будто рентген, взглядом и вновь опустил глаза к его животу. Скользнул взором к веч-

ному следу от наручников на тонком запястье и произнёс:

– Необычный разброс шрамов. Особенно этот, – он тронул левую кисть Тома.

Том проследил его взгляд.

– Да, наверное, – ответил он. – Не знаю, как должно быть.

Мужчина снисходительно улыбнулся.

– Никак не должно, в этом нет системы. А они у тебя только на верхней части тела?

– На ногах больше.

– В самом деле? Покажешь?

Том сомневался, но всё же медленно стянул штаны, оставшись в одном нижнем белье. Стен оглядел его ноги, которые действительно были изувечены куда сильнее верха.

– Можешь встать? – попросил он.

Парень поднялся на ноги, старался держаться спокойно, но получалось плохо. Взгляд метался, он не знал, куда деть и его, и руки, в растерянности и неугасающем смущении сцепил их внизу живота.

– Не стесняйся, – улыбнулся ему Стен, – я же тоже мужчина.

Том чуть кивнул, неуверенно повернулся вокруг своей оси, полагая, что, наверное, это стоит сделать, раз на него хотят посмотреть. Стен разглядывал его, ничем не выдавая своих истинных эмоций, только в глубине расширившихся зрачков можно было разглядеть то животное, от чего жизненно необходимо спастись бегством.

Обернувшись несколько раз, Том замер, вновь перехватил руку рукой внизу живота.

Отчего-то он не стал одеваться – потому что таковой команды не было. Сел на сочную траву и поднял колени к груди, интуитивно закрываясь хотя бы так, выдавая этим свою неловкость, от которой зверю рвало крышу.

Воздух пропитался запахами голой кожи и невинной души, его хотелось втягивать жадно, со свистом.

– Том, откуда у тебя эти шрамы?

– Это мне только предстоит выяснить, – пожал плечами Том, – так говорят врачи.

– То есть ты не помнишь?

– Нет.

– А не боишься?

– Чего? – парень непонимающе нахмурился.

– Воспоминаний.

– Зачем же их бояться?

– Потому что там, в прошлом, с тобой произошло что-то плохое. Может быть, лучше этого не помнить?

Том задумался над его словами, но ни к чему прийти не успел, потому что в их укромный уголок вторгся чужак – другой пациент. Стен быстро встал, загораживая его собой, а Том сжался, потому что представлять практически обнажённым перед совершенно незнакомым человеком было уже слишком.

Посетило неясное ощущение... дежа-вю, что ли? Совер-

шенно прозрачное, неуловимое, как многовековой призрак. Мужчины обсуждает что-то, а он, Том, сидит раздетый и только хлопает глазами. Но он не придал этому значения, это чувство даже не проникло в сознание, оставшись в теле и том, что за гранью восприятия, мысли же были заняты другим.

Пока они разговаривали, выясняя право на эту территорию, Том надел рубашку, криво застегнув её наспех, потом потянулся за штанами, которые лежали дальше, вынужденно высунувшись из-за своей живой баррикады. Чужак замолчал, наблюдая за его поползновениями. Заметив его взгляд, Том так и замер с протянутой к штанам рукой, будто его застали на месте преступления, а после вновь юркнул за спину друга.

– Уйди, пожалуйста, – твёрдо попросил Стен, пристально смотря собеседнику в глаза.

Тот отступил и удалился. Пациенты, по крайней мере, те, кто более или менее осознавали реальность, предпочитали не грызться между собой. Понимали, что все варятся в одном котле, и каждый из них отдавал себе отчёт в том, что он тут не один такой – с кровью на руках.

Проведя его тяжёлым взглядом, Стен сел напротив Тома.

– Можно мне одеться? – вкрадчиво спросил парень.

– Если хочешь, – Стен подобрал штаны и протянул ему.

Когда Том полностью оделся и снова устроился на траве, мужчина, ничего не говоря, потянулся к нему и неспешно

начал расстегивать пуговицы на рубашке. Это покорило, но даже не тем, что пугало, а потому что Том не знал, что это значит. Онемев, он забегал глазами и негромко спросил:

– Что ты делаешь?

– Ты застегнулся неправильно.

– А... – Том опустил взгляд к вещи. В самом деле, она была порядочно перекошена.

– Я помогу.

Стен ловко освободил все пуговицы от петель, а после застегнул их правильно.

– Спасибо, – проговорил Том и поправил ворот рубашки.

– Не за что.

Какое-то время они говорили о чём-то отстраненном, затем Том замолчал, в нерешительности покусывая губу и украдкой поглядывая на собеседника. Всё-таки собравшись, он вздохнул и спросил:

– Стен, а ты хорошо знаешь здешние порядки?

– Достаточно осведомлён о них. А что именно тебя интересует?

– Порядок посещения. Или как это правильно называется? Стен, ты не знаешь, могут ли доктора запретить родственникам навещать пациентов?

– Так ты ждёшь чьего-то визита?

– Да, папиного. Доктор сказала, что он скоро навестит меня, но почему-то этого не происходит. Вот я и подумал... Глупо, знаю. Но вдруг?

– Это вовсе не глупо, Том, – Стен поставил локти на согнутые, расставленные колени, – ты всё правильно подумал.

– В смысле? – парень удивлённо, с долей испуга поднял брови и в следующую секунду мотнул головой. – Зачем им запрещать это? За что?

– Дело в том, что здесь вообще запрещены посещения.

Том вновь распахнул в глаза, теперь к прочим эмоциям в них примешалось неверие.

– Как это? Людей в больницах всегда можно навещать. Я никогда не был в них раньше, но это же правильно?

Стен улыбнулся той наивности, которой были пропитаны слова и доводы Тома. Чудный мальчик! И никогда не скажешь, что ему уже семнадцать лет, это восхищало и замыкало на нём.

Выдав эту эмоцию за поддержку и сочувствие, мужчина обнял его за плечи и ответил:

– Это особенная больница и законы её строги и не всегда приятны.

– Но почему?! – Том дёрнулся в его руках, вскинул голову. Во взгляде читалось отчаянное нежелание мириться с таким положением дел.

– Тише-тише, – Стен сильнее прижал его к себе, – криком ты ничего не добьёшься.

– А как добиться? Стен, пожалуйста, помоги!

– Я постараюсь что-нибудь придумать, как раз до следующей нашей встречи у меня будет время.

– А что ты придумаешь? – встрепенулся парень.

– Пока секрет. План нельзя рассказывать заранее, иначе ничего не получится, знаешь такое?

Том отрицательно качнул головой, но расспрашивать перестал, поверив, что старший товарищ знает, о чём говорит и не подведёт его.

Глава 11

– Привет, Том, как ты себя чувствуешь? – проговорила мадам Айзик, зайдя в палату.

– Нормально, – Том чуть подвинулся вперёд, ближе к ней, и обнял колени.

– Я рада за тебя. Готов побеседовать?

– О чём?

– О Джерри. Том, тебе важно...

– Нет-нет-нет! – воскликнул парень, перебив доктора, зажал уши ладонями. – Не желаю о нём ничего слышать!

Женщина подождала, пока он уберёт руки, и спросила:

– Почему ты не хочешь узнать о нём?

– Потому что мне всё равно, кто он. И вообще... – Том выдержал паузу и добавил более воинственно: – я не буду с вами разговаривать, пока вы не позволите мне увидеться с папой!

Мадам Айзик хотелось взяться за голову, но она благоразумно удержалась от этого и поинтересовалась:

– Почему ты думаешь, что мы противодействуем вашим встречам?

– Потому что вы обещали, что он скоро навестит меня, но почему-то это «скоро» всё никак не наступает. И потому что я узнал, что у вас здесь вообще запрещены визиты.

– Посещения пациентов не запрещены, а ограничены, по-

тому что это особое лечебное учреждение.

Как и обычно, доктор Айзик сказала правду, но без подробностей. А частности крылись в том, что посещать разрешалось только тех пациентов, у которых стоял уверенный диагноз: «Ремиссия», и которые готовились к выписке. Но даже их навещать можно было в строго установленном порядке, и встречи проходили в специальном помещении вне стен основного здания. На территорию корпуса не было хода никому постороннему, это даже не обсуждалось.

И опять это словосочетание: «Особая больница», Тому оно уже начало резать слух.

– И в чём его особенность? – нахмурившись, уточнил он.

– Том, тебе не кажется, что это нечестно, когда человек требует ответов, но сам отказывается выслушивать другого?

– Вот именно, это нечестно, – Том поджал губы, с обидой смотря на доктора исподлобья. – Вы постоянно спрашиваете меня о всяком, а сами на мои вопросы не отвечаете. Всё, я не желаю с вами разговаривать!

Психанув, он лёг, повернувшись к мадам Айзик спиной, замотался в одеяло, что только макушка и была видна. Женщина вздохнула, но решила подождать и не ушла. И правильно – как это обычно бывало с Томом во взаимоотношениях с отцом, он быстро остыл, почувствовал себя виноватым за несдержанность и снова сел.

– Ладно, я готов разговаривать. Только не о Джерри, хорошо?

– Почему ты так категорически ничего не хочешь слышать о нём? – повторила свой вопрос доктор.

– Потому что не хочу.

– Но он жил вместо тебя почти четыре года, неужели тебе неинтересно узнать, кем он был?

– Почти четыре года... – тихо повторил Том слова доктора, смотря куда-то в себя, в никуда.

Сознание по-прежнему не принимало этот факт. И он вызывал такой же шок, но уже тихий, как и в первый раз, ставил в тупик.

– Том, давай поступим так – я расскажу тебе один факт и на этом всё, а ты сам решишь, хочешь ли слушать дальше.

– Нет, – Том отрицательно покачал головой. – Скажите лучше, что говорит папа. Вы же разговаривали с ним? Разговариваете?

Как же сложно было не отвести взгляда от того, насколько этот вопрос был тяжёл и нежелателен.

– Разговаривали, – ответила женщина.

– Он передавал что-нибудь мне?

– Он желает тебе скорейшего выздоровления.

– А когда он приедет?

– Когда мы разрешим.

– А когда вы разрешите?

– Не раньше, чем ты вспомнишь всё, и мы убедимся, что ты в порядке.

– Я и так в порядке.

– Хорошо, что ты так себя ощущаешь, это уже половина успеха. Но наша с тобой работа ещё не закончена.

Том заметно сник, вновь обнял колени.

Больше доктор Айзик не возвращалась к теме Джерри; беседа прошла никак. Выйдя из палаты, женщина вздохнула. Разговор ощущался тяжелым, морально высосал, хоть ничего толком и не было сказано. Просто она понимала, что рано или поздно должна будет сказать правду, причинив тем самым страшную боль. Подходящего момента для этого не существовало, можно было лишь подождать, пока Том окрепнет и смириться со всем остальным, чтобы быть хотя бы теоретически уверенными в том, что он сможет принять новость, которая навязанной тайной уже не первый день довлела над ней.

Оставшись в одиночестве, Том разглядывал стены и потолок, потому что больше было нечем заняться, потом подошёл к закрытому окну. На днях он узнал, что они находятся в Париже, и теперь пытался разглядеть из окна Эйфелеву башню, не понимая, что это невозможно, потому что даже не представлял, насколько велика столица и расстояние, разделяющее его с культовым строением и символом всей Франции, окрещенным вначале своего существования архитектурным уродством.

Глава 12

За один сеанс гипноза было решено вытягивать из подсознания Тома воспоминания об одном дне, чтобы не перегружать его психику. Каждый раз верилось в то, что вот-вот тайна вскроется, станет известна травма, породившая Джерри, и можно будет начать работать с ней, перейти к полноценному лечению, но этого никак не происходило.

Доктор Деньё откровенно скучал, выслушивая о пресно-однотипной жизни Тома, разукрашенной лишь предвкушением и подготовкой к вечеринке и слишком детскими для его возраста надеждами. Удивляло и даже вызывало жалость то, что Том считал такую жизнь нормальной, безмерно любил не слишком адекватного в своей излишней любви и опеке отца, с надеждой и открытым сердцем смотрел вперёд и радовался каждой мелочи.

«Неудивительно, что у него поехала крыша, – невольно и не очень корректно подумал месье Деньё, в очередной раз выслушивая Тома. – С таким-то отцом... Ему бы провериться у психиатра. Не удивлюсь, если он со своей родительской любовью заходил далеко за грань допустимого».

И эту версию взяли бы на вооружение, так, увы, ведь нередко бывает, но Том ни разу не упоминал ни о каких сексуальных действиях со стороны Феликса, разве что тот обнимал его очень часто и целовал в лоб, но это, хоть и не слыш-

ком нормально в отношениях отца и сына, не является порицательным и патологическим поведением. И в таком случае едва ли бы Том говорил об отце с такой теплотой, разве что у него была настолько переломанная психика, что он не понимал, что это ненормально. Человека можно приучить ко всему, если делать это планомерно и постоянно, тем более с малых лет.

Чтобы проверить данную гипотезу, пока иных не было, Тому параллельно с гипнозом прописали психотерапию. Психотерапевт ему и понравился, и нет: у него были крупные руки и лицо, первые он практически постоянно держал сцепленными в свободный замок; на щеках его колола взгляд неизменная двухдневная щетина с доброй половиной седины. Его хотелось называть дедушкой, но Том этого не делал, он вообще терялся в его присутствии.

– Том, расскажи, пожалуйста, насколько у вас с отцом близкие отношения, – попросил доктор после вступительной, устанавливающей контакт беседы.

Том отвёл взгляд, задумавшись на пару секунд.

– Очень близкие, наверное, – ответил он. – У меня никого нет, кроме него, к сожалению. И у него тоже, он сам так говорит.

– Вы всегда жили только вдвоём?

– Нет, когда-то мы жили втроем, с мамой, но я этого не помню.

– Сколько тебе было лет, когда мамы не стало?

– Три месяца.

В детстве Том постоянно расспрашивал отца о маме, но чем старше он становился, тем больше становилось от этой темы. И сейчас тоже было и больно, и горько, это было заметно по взгляду и по опустившимся плечам.

– Три месяца от рождения? – уточнил психотерапевт.

– Да.

– Расскажешь, что с ней произошло?

– Дорожное происшествие. Папа говорит – глупость какая-то... но её не спасли.

– Соболезную, Том. Но я рад, что ты можешь об этом говорить.

Том промолчал о том, что ему неприятна эта тема, что за рёбрами скулит.

Выждав паузу на тот случай, если он захочет что-то ответить, доктор задал новый вопрос:

– Твой отец был женат после того, как не стало твоей мамы?

– Нет.

– Он когда-нибудь знакомил тебя со своими женщинами?

Глаза Тома наполнились непониманием.

– Том, ты когда-нибудь видел, чтобы отец приводил домой женщин? – по-другому сформулировал вопрос психотерапевт.

Том нахмурился с ещё большим недоумением и, не задумываясь, спросил:

– Зачем?

Доктор потёр указательным пальцем висок. То, что семнадцатилетний парень задавал такие вопросы, казалось странным даже в этих стенах.

Нет, Том знал – зачем, но отец любил только маму, стало быть, и встречи с другими женщинами ему были не нужны.

– Том, ты знаешь о взаимоотношениях полов, в том числе их интимной составляющей?

Том смутился, потупил взгляд и чуть кивнул:

– Да.

– Хорошо, Том, – доктор вновь сцепил руки в привычный замок, – значит, ты утверждаешь, что к вам домой никогда не приходили женщины?

– Одна приходила – хозяйка, у которой мы снимаем дом. Но я её видел лично только один раз, давно-давно, года в четыре, а потом просто слышал, что она приходит.

– Она проводила много времени у вас дома?

– Нет, она всегда быстро уходила.

Психотерапевт покивал, сделал очередную быструю пометку и спросил:

– А какие-нибудь мужчины к вам приходили?

– Папины друзья? Нет.

Доктор имел в виду совсем не дружеские отношения, но уточнять уже не было смысла, ответ он и так услышал.

– Том, скажи, отец часто оставлял тебя одного и как долго?

– Он никогда не оставлял меня одного.

– Совсем?

– Да. Он работает на дому, а если нам нужно было сходить в магазин или ещё куда-то, мы делали это вместе.

– То есть он всегда был рядом с тобой?

Том не совсем понял вопрос, ответил как смог:

– Мы не всегда дома проводили время вместе. И я ходил гулять в одиночестве.

– И где ты гулял?

– По нашей улице. В этом году папа разрешил мне это, я выпросил. Ой... – Том досадно, с какой-то непонятной горечью во взгляде нахмурился. – Не в этом году, а тогда, – он махнул рукой; в глазах читалась всё та же горечь, не проходящее неприятие действительности с долей обиды, – в том году...

– В каком?

– В две тысячи двенадцатом, – совсем посмурнев, выдавил из себя парень и, помолчав мгновение, добавил с отчаянной надеждой: – Вы уверены, что сейчас не он?

– Уверен. Сейчас две тысячи шестнадцатый год. Июль месяц.

Том вновь понурил голову, и плечи тоже опустились. Надежда умирает последней, но если это уже случилось, не нужно пинать её труп. Вот только он никак не мог этого понять.

– Том, ты готов продолжать наш разговор? – поинтересо-

вался психотерапевт после недолгого молчания. Том невесело кивнул, никак не мог отделаться от грызущего мозг числа «2016». – Скажи, у тебя была своя комната?

– Да.

– И ты спал в ней?

– Да.

– Один?

– Да.

– Так было всегда?

– В детстве бывало, что я спал с папой.

– Ты хотел спать вместе с ним?

– Да.

– По какой причине?

Том вновь смутился, спрятал глаза и начал теревить край рубашки.

– Когда мне было страшно ночью, я приходил к нему. И просто так тоже... С папой всегда хорошо спалось и можно было поболтать.

Доктор кивнул и сделал очередную пометку. За всю сессию Том даже полумыслью не догадался, к чему тот так много спрашивал его об отце и что пытался выяснить.

Когда Тома увели, к психотерапевту зашла доктор Айзик.

– Как успехи? – спросила она.

– Пока у нас не было полноценной работы, я больше собирал информацию. Но могу сказать, что не похоже на то, что Том подвергался насилию со стороны отца.

– Он не обмолвился ни о чём подобном?

– Нет. И то, как Том рассказывал об отце, тоже указывает на то, что он с большой теплотой и доверием относится к нему, а в случае с насилием второго быть точно не может. На данном этапе я заметил только одну странность касательно их взаимоотношений – патологическую гиперопеку со стороны отца Тома, но это тема для отдельного разговора и этот момент нужно разобрать подробнее, чтобы делать какие-то выводы.

– Я уже ничего не понимаю... – покачала головой женщина. – Сначала мы так долго не могли победить Джерри, а теперь не можем выяснить, откуда он взялся.

– Пока и у меня нет ответов, только вопросы, – проговорил в ответ психотерапевт и подпёр челюсть кулаком. – Но, кажется, отгадка кроется не в детстве Тома, по крайней мере, не в той его части, которая связана с отцом. Либо же амнезия у него куда глубже и избирательнее, чем вы думали.

– Эту версию нужно будет проверить. Но ты уверен в том, что Том не лгал, в смысле, не покрывал отца?

– Только в том случае, если он на самом деле верит в то, что ничего неправильного отец не делал, и ему это не было неприятно, а не молчит из страха.

Глава 13

Мой розовый замок,

Мой розовый замок стоит -

Он такой одинокий

Мой розовый замок,

Розовый замок горит,

Как его сотни копий.

Katerina, Intro©

Пришёл черёд сеанса, посвящённого празднованию Хэллоуина. Том ждал его с нетерпением, торопил время, не мог усидеть на месте. А как иначе! Ведь ему предстояло вспомнить не просто ещё один день, а настоящую вечеринку, на которой обещало сбыться чудо.

Тома даже не сразу удалось ввести в нужное состояние, слишком он взбудоражен был, крутился на кушетке, подскакивал и что-то спрашивал-уточнял у гипнолога; в груди трепыхалась птичка-душа.

Только после того, как месье Деньё резковато, но оттого очень доходчиво сказал, что если он не успокоится, ничего не получится, и его отправят обратно в палату, Том притих, втянул голову в плечи. Было не страшно, просто волнительно до того, что ещё чуть-чуть и закружится голова.

И когда сознание размягчилось, расступилось, открыв доступ в подсознание, из уст Тома полился рассказ о самом обычном дне, наполненном искристым, переходящим в мандраж, предвкушением и тайными приготовлениями к главному событию в жизни, потому что оно было первым.

Большая часть того судьбоносного, близкого и одновременно далёкого дня не заслуживала особого внимания. А когда рассказ подошёл к вечеру и побегу из дома, доктор Деньё превратился в слух и внимание, проверил ещё раз, пишет ли камера, потому что тайну, которая вполне могла сейчас раскрыться, обязательно нужно задокументировать. Потому что правде мало быть только в голове и на словах, ей нужен более объективный, а потому неодушевленный носитель.

Месье Деньё даже несколько разочаровало то, что Том благополучно добрался до нужного поселения, он полагал, что, возможно, именно по дороге с ним произошла беда, расколовшая личность надвое.

Призрачные улицы, сучишная собака и её неприветливая хозяйка. Всё на повторе и всё ново, Том заново погрузился в тот самый прекрасный день, переживал каждую секунду и эмоцию. Он не здесь, в красиво обставленном кабинете гип-

ноза – он там, в последнем дне октября, ищет дом номер сорок четыре.

Нашёлся нужный дом. Немного неловкий разговор с Александером у порога, потому что эмоции зашкаливают и Том теряется, потому что, хоть мечтал об этом бесчисленное количество раз, не знает, как на деле действовать, как общаться. Не очень дружелюбная девушка с блёстками на скулах, проход в зал и далее, далее.

Доктор Деньё почти сразу понял, что не так всё сладко и над Томом просто решили поиздеваться, потому что он отличается от большинства – он дикий, как волчонок, и доверчивый, будто котёнок. Дрянное сочетание, из которого ничего хорошего выйти не может, рано или поздно таких котят жестоко пинают.

Но он, Том, ещё не подозревал, что приглашён в качестве бесплатного развлечения, не понимал яда в словах «друзей» и оскалов за их улыбки. Не видел, что они смеются не с ним, а над ним. До первого и такого страшного разочарования у него остались несколько часов, которые сейчас уместятся в минуты.

Когда повествование дошло до рвоты и съёмок на мобильные, гипнолог закрыл пятернёй лицо. Глупый, наивный мальчик! Даже жаль его стало отчасти, такие в современном мире не выживают. Но сочувствие не прожило долго и как обычно растворилось без следа, на всех сердечности не напасёшься, иначе рискуешь сам оказаться в палате, а не в бе-

лом халате.

И снова разочарование настигло доктора Деньё, когда Том сбежал с вечеринки, на которой так и не произошло ничего настолько страшного. А какие надежды на неё возлагались... как бы это ни звучало.

В реальности, как и там, в Ночь Всех Святых, у Тома по щекам текли редкие, концентрированно горькие слёзы, которые он пытался сдерживать, но не мог. Он крутился, бормотал то, что было в те минуты в голове, а потом затих, будто бы на самом деле заснул.

В голове было черным-черно: ни мыслей, ни чувств.

Месье Деньё подождал достаточно, внимательно смотря на пациента, но тот не произнёс больше ни звука, будто находился в подобии коматоза или действительно спал. Он предпринял попытку подтолкнуть Тома к продолжению рассказа, говорил правильные слова, задавал вопросы, и тот откликался, но после этого вновь замолкал, и только музыка лилась из колонок, не позволяя воцариться тишине.

Процесс вспоминания натолкнулся на преграду, пока ещё неясной силы и природы, обойти которую так сходу не удалось. И, возможно, и не нужно было этого делать, Том поведал достаточно для одного сеанса.

«Один сеанс – один день», – напомнил себе доктор Деньё о том, что не надо спешить.

Он вывел его из транса. Том на протяжении нескольких секунд продолжал лежать, отрешённо смотря перед собой

из-под полуопущенных ресниц – горькая память не могла мгновенно интегрироваться в сознание и лечь на своё место в голове. Затем он сел, стёр подсохшие дорожки слёз, провёл по волосам и глянул на ладонь, словно ожидая, что на ней должны были остаться следы ягодной водки, которую ему вылили на голову.

На душе было горько до того, что ныло меж рёбрами, сдавливало лёгкие от обиды.

«За что?», – стучало молоточком в висках, и лицо изламывало от боли, точно как тогда, в Ночь Всех Святых, когда всякая нечисть лезет из своих углов.

Гипнолог остановил взгляд на его лице: по краснеющим глазам и дрожащим губам было похоже, что прольются новые слёзы.

– Том, давай поговорим о том, что ты вспомнил, – проговорил он.

Том замотал головой, забрался на кушетку с ногами, обнял колени, закрываясь ими.

– Том?

Губы задрожали сильнее. Том стиснул зубы и даже задержал дыхание, чтобы не пустить наружу рвущиеся постыдные слёзы. Закрыв глаза. Хотелось исчезнуть отсюда и оказаться дома, где тепло и подвёрнутая нога не болит.

А нога и так не болит, потому что с тех пор прошли почти четыре года. От осознания этого стало ещё хуже, аж жилы на шее свело. Больно, горько, непонятно и невыносимо хочется

убежать!

Решив не делать чужую работу, месье Деньё отправил Тома к психотерапевту. Но и с ним Том отказался обсуждать воспоминания о вечеринке, даже не говорил толком, что не хочет этого – больше молчал, сопел и сжимался в комочек. А когда доктор совсем достал своими вопросами и попытками разговорить его – сорвался и развёл истерику, чтобы от него отстали.

Тома отвели в палату. И в окружении чужих, холодных цветом стен, которые подменяли ему дом, он лёг на кровать и, вжавшись лицом в подушку, разревелся. Даже когда никто не видит, за свою слабость было стыдно, но сдерживаться уже не осталось никаких сил. Только камеры безучастно фиксировали его боль и надрывные вздрагивания худеньких плеч. Том так и не обратил на них внимания, потому что всё ещё думал, что находится в обычной больнице – там ведь не должно быть камер, а правду ему пока не сказали.

«За что они так со мной?» – этот вопрос не переставал звучать в голове, им болело и плакало открытое сердце, в которое вероломно вонзили стрелу те, кому он верил, с кем хотел разделить мечту.

Невыносимо больно и обидно, когда умирает мечта, в которую ты так отчаянно верил. Её обугленные обломки жгли душу, заполняли токсичным, удушающим дымом.

Том шмыгнул носом, зажмурился что было сил. Так хотелось не плакать.

Вскоре к нему зашла мадам Айзик, мягко предложила:

– Том, давай поговорим?

– Я не хочу, – сдавленно ответил в подушку парень.

– Тогда хотя бы скажи, пожалуйста, почему ты плачешь?

– Я не хочу, – повторил Том, повернув голову вбок. – Уй-

дите, пожалуйста.

Поговорить он хотел бы только с папой, поплакаться ему, зная, что тот точно поймет, поддержит и утешит, повиниться в том, что ослушался – и вон, что вышло. Но папы не было рядом.

Глава 14

Я тебе верю, открою все секреты беспощадному зверю.

Я знаю, что ты мне не враг.

Расправь свои крылья, пусть желания станут былью.

Убивай меня смело, как в последний раз.

Саша Спилберг, Любить страшно©

– Всё оказалось совсем не так, как я думал, – слезливо жаловался Том единственному другу, лёжа на изумрудной траве на боку. – Они просто посмеялись надо мной. Может быть, я всё неправильно понял? – он привстал, взглянул на Стена и, вздохнув, лёг обратно, продолжил: – Может. Но они... Я не думаю, что друзья поступают так друг с другом.

– А что они сделали?

Том чуть поморщился, чтобы самого себя отвлечь от вновь наплывших на глаза слёз. Горькая обида за поруганную мечту всё никак не утихала, тлела угольком в душе, саднила.

– Даже не знаю, – ответил он. – Там много всего произошло. Они дымили мне в лицо, поили, хоть я отказывался, а потом мне вообще стало плохо, я никогда до этого не про-

бывал алкоголь. Но ладно, это нормально на вечеринках, я в кино видел. Но зачем они надо мной издевались? Заставили целоваться с парнем...

– С парнем? – с тщательно замаскированным интересом переспросил Стен.

– Да. Я не хотел этого и не стал бы этого делать, но меня обманули, сказали, что ко мне придёт девушка. Мы играли в «Семь минут».

– Я знаю эту игру. Что было потом?

– Потом включили свет, я увидел этого парня, с которым... ты понял, испугался, а все смеялись, улюлюкали.

Том замолк, покусывая изнутри губу. Хотелось поделиться всем, но рассказывать о том, что было после игры, было совсем неловко. В голове мелькали такие живые картинки собственных вздыбленных штанов, ужасного смущения от этого (он почти ощущал жар стыда на щеках), усмехающегося лица Александера, объясняющего, что делать дальше, и десятков других лиц и голосов, которые говорили, говорили, говорили, сливаясь в пёстрый, оглушающе громкий хоровод.

Стен подсел ближе к нему, положил ладонь на ногу чуть повыше колена и участливо, заведомо понимающе спросил:

– Там случилось что-то, о чём тебе стыдно говорить?

Том слабо кивнул и тотчас отвернул лицо, мазнув щекой по сочной зелени, пряча глаза. И хотелось сказать, и кололось до оторопи.

– Том, что бы там ни произошло, тебе нечего стесняться, –

снова заговорил Стен. – Расскажи мне всё. Или позже?

– А сколько осталось до конца прогулки?

– Минут сорок.

– Тогда лучше сейчас.

Том помолчал, собираясь с мыслями и силами, и попытался объяснить:

– Было очень приятно, и я же не знал, кто со мной...

– Тебя возбудил поцелуй с тем парнем? – предположил Стен.

Теперь щёки вспыхнули по-настоящему и так, что стало жарко и душно.

– Да, – выдавил из себя парень.

– В этом нет ничего такого, – с лёгкой улыбкой ответил Стен, погладил его по волосам. И Тому так захотелось прилгаскаться к его ладони, потому что так всегда делал отец, и пусть в последние года он раздражался от этой его привычки, сейчас его слишком не хватало. – Ты зря стесняешься.

– А мне кажется, что так быть не должно, – тихо пробормотал парень. – Он же тоже парень...

– Том, ты когда-нибудь целовался до того случая?

Том смущённо помотал головой.

– Тем более, – произнёс мужчина. – Тебе было четырнадцать, гормоны бушевали, так что твоя реакция на поцелуй совершенно нормальна. Любой бы так отреагировал.

– Думаешь? – Том перевернулся на спину, доверчиво смотря на собеседника.

– Уверен.

– И ты тоже? – за свой вопрос стало неловко, но вернуть его обратно нельзя, можно только ещё сильнее залиться краской.

– И я тоже, – кивнул Стен. – Я ведь тоже обычный человек с потребностями, желаниями и прочим.

Том даже улыбнулся – и всё-таки нет ничего прекраснее того, когда рядом есть понимающий друг! – но быстро вновь помрачнел, на лицо легла тень глубокой задумчивости, брови сдвинулись к переносице. Потому что вопросы и обиды, связанные с той вечеринкой, по-прежнему мучили, изгрызали.

– Потом Александер сказал, – без напоминаний Стена продолжил рассказ Том, – что если участник игры возбуждается, то по правилам он должен... передёрнуть при всех. Я даже почти согласился, но не смог! Тогда они начали говорить всякие противные вещи, – он поморщился, – даже вспоминать не хочу. Я совсем растерялся, потому что они говорили со всех сторон, хохотали... В тот момент их смех мне уже не казался дружеским. И друг Александера вылил мне на голову водку, от неё ужасно глаза щипало.

– Бедный мальчик... Надеюсь, ты не остался там?

– Я убежал, – Том совсем сник, потупил взгляд.

Внутри начинало медленно вскипать, klokотать то самое, что тогда толкнуло на необдуманый шаг – горчайшая обида и тянущая невозможность узнать, за что с ним так обошлись.

Ведь он просто хотел обрести друзей, мечтал, верил. Пришёл к ним с открытой душой, облегчив задачу наплевать в неё.

– За что они так со мной? – даже с какой-то претензией проговорил Том и повернул голову к Стену, вопросительно смотря на него. – Неужели все люди на самом деле плохие и злые?

– А я плохой?

– Ты хороший.

– Вот видишь, значит, не все плохие. Просто тебе не повезло связаться не с теми людьми, так бывает, Том. Иди сюда, – Стен махнул рукой, приглашая Тома к себе, тот без опаски перелёг и устроил голову у него на коленях. – И запомни главное – то, что они сделали в отношении тебя, это не о тебе, а о них. Понимаешь?

– Не совсем.

– Они поступили с тобой некрасиво не потому, что с тобой что-то не так, а потому, что им не хватает сердечности и мозгов.

Том с благодарностью посмотрел на друга. Уловив этот момент ещё большей приязненности в отношении себя, Стен снова погладил его по волосам, и на этот раз Том не удержался – приластился к руке, прикрыв глаза, но, тут же опомнившись, остановился.

– Не нужно стесняться себя, – с лёгкой полуулыбкой проговорил мужчина. – Если ты ласковый, как котёнок, это здорово. Многим этого не хватает. А у тебя живое сердце, по-

тому и все чувства и порывы живые, нефальшивые. Гордись этим.

Он ненавязчиво провёл ногтями снизу-вверх по шее Тома, тот сначала зажался от его действий, но затем, доверившись другу, откинул голову назад, открывая самую уязвимую часть тела. Сквозь тонкую кожу виднелись голубые вены, Стен медленно провёл большим пальцем по одной из этих рек до самой косточки на нижней челюсти.

Зверь внутри поднялся, показывая весь рост в холке, впился когтями в землю, чтобы не сорваться с места прямо сейчас.

Сжать бы ладонь до отчаянных хрипов и хруста хрящей. Но сначала впиться в губы, оставить на бледной коже узоры своих отпечатков.

– Скучаешь по папе?

– Очень, – Том тихо вздохнул, разомкнул потяжелевшие от нежащих прикосновений веки. – Я на днях снова просил мадам Айзик, чтобы она позвонила папе и дала мне с ним поговорить, но она сказала, что не может этого сделать.

– Здесь есть стационарный телефон, им можно пользоваться с разрешения лечащего врача. Можешь попробовать сделать звонок так.

– Я не знаю папиного номера...

– Но, я так понял, его знает твоя доктор?

– Точно! Спасибо, – Том признательно сжал ладонь товарища.

Стен чуть улыбнулся ему в ответ, невесомо провёл кончиками пальцев по его щеке и большим пальцем, с нажимом, по скуле. Том непонимающе нахмурился, посмотрел на него.

– Ты травой испачкался, – пояснил мужчина свои действия.

– Где? – Том дотронулся до лица немного правее зелени.

– Здесь, – Стен снова провёл по его скуле, осторожно потёр. – У меня нет платка. Попробовать так оттереть?

Том кивнул, снова закрыл глаза, чтобы Стен ненароком не попал в правый пальцем, пока будет помогать отмыться.

Стен методично, не спеша тёр нежную, краснеющую от его манипуляций кожу. Это действие было подобно трансу. Запах кожи, приправленный травяным соком, пьянил. Добавить бы ещё каплю крови и испить до дна, до темноты в глазах.

Том недовольно поморщился от немного неприятных ощущений, но промолчал.

– Плюнь, – проговорил Стен и поднёс ему к лицу ладонь.

Том изумлённо посмотрел на его руку, затем в лицо.

– Зачем?

– Так просто не оттирается. А я думаю, что лучше умываться своей слюной, а не чужой.

Том всё равно немного не понял – взгляд растерянно забегал, но кивнул и послушно плюнул. Стен ловким движением собрал нить слюны с его губ и с самым обыденным видом продолжил отмывание. Только в глубине непроглядных

зрачков плясали демоны и выжигали остатки души напал-
мом.

Глава 15

– Собирайся, – как обычно, не поздоровавшись, скоман-
довал охранник, зайдя в палату к Тому.

– Куда?

– К доктору Денъё.

Том встал с кровати, но, подумав секунду, сел обратно,
упрямо скрестил руки на груди.

– Не пойду.

– Ты должен, пошли.

– Ничего я не должен. Я не хочу никуда идти и всё.

Охранник задержал на лице Тома тяжёлый взгляд. Конечно, можно было отвести его в нужный кабинет силой, но это не поощрялось и с обычными пациентами, не говоря уже о том, к кому усилиями мадам Айзик было особое отношение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.